

УЮТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Диана Адамова

КОМИССАР

с того

СВЕТА

Осторожно!
Мадриа в деле

Диана Адамова
Комиссар с того света

«Автор»

2026

Адамова Д.

Комиссар с того света / Д. Адамова — «Автор», 2026

Старый комиссар полиции Вито Луиджи свыкся с тем, что коллеги над ним смеются, а дела не раскрываются. Когда мафиози, которых он посадил, выходят на свободу, он решает не рисковать и инсценирует свою смерть. Ведь они не смогут убить того, кто уже мертв. Но вместо покоя, он получает полный дом родственников, и должен отсиживаться в подвале с уликами по тому старому делу. И пока жена разыгрывает траур и руководит этим спектаклем, на старости лет Вито, чтобы очистить совесть, вместе с внуками и молодым помощником, которого назначили комиссаром, расследуют серию преступлений. Сможет ли комиссар с того света и его разношерстная команда из подвала раскрыть двадцатипятилетнюю тайну?

© Адамова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Диана Адамова

Комиссар с того света

Глава 1

Это был последний день комиссара полиции Вито Луиджи. Он начался так же, как и тысячи предыдущих: с галстука, кофе и болтовни любимой жены.

Потом, когда все случится, следователи будут восстанавливать этот день по минутам, пытаюсь понять, было ли это случайностью или хорошо спланированной операцией. Будут спрашивать супругу Вито, соседей, коллег, искать намеки и случайные неслучайности.

А пока, в свои шестьдесят пять Вито по-прежнему любил свою работу, так же как и когда впервые переступил порог полицейского участка с дипломом и верой, что справедливость всегда побеждает.

И в этот день она настигла Вито.

За завтраком, как и всегда, он с улыбкой приветствовал дражайшую супругу Моника, принимая из ее рук чашку эспрессо и тарелку с венскими вафлями. Так же, как и всегда, поцеловал, уходя на службу.

— Патриция уже на горизонте, — предупредил Вито жену, заметив за окном приближение соседки.

В руках она держала традиционную корзиночку, наполненную печеньем. По четным дням пекла Моника, по нечетным — Патриция.

— Чем сегодня займетесь? — уточнил Вито, надевая китель.

— На прошлой неделе Микелла раскритиковала мои астры и привезет мне сегодня гиацинты какого-то особого сорта. Хочет, чтобы я посадила их на место астр, представляешь?

Мимо участка Патриции та проходила со сморщенным носом, даже не взглянув. Понатыканые то тут, то там кривые гномы вызывали у Микеллы легкое отвращение. А вот обойти ухоженную лужайку четы Вито и Моника Луиджи и их ровные кусты, за которыми комиссар пристально следил и подстригал почти каждое воскресенье, у нее не получалось.

— И ты согласилась? — Вито повернулся к жене.

— Пф-ф, конечно, нет! Я переставлю те две терракотовые амфоры от забора к мангалу, там солнца больше, и посажу на их место рассаду гиацинтов. Там влажно и почва хорошая.

— Туда же ходит в туалет Писки! — удивился Вито.

— Потому и влажно. И астры там не приживутся. И больше Микелла не будет давать мне непрошенных советов и лезть в мой сад. — Моника, задрав свой тонкий нос кверху, поправила воротничок на шее мужа.

— Она же флористка.

— Вот в своем саду пусть советы и раздает. Я же не приходила к ней и не спрашивала, что мне делать с гиацинтами. — Моника подала Вито портфель. — Может пора свозить Писки к ветеринару?

— Завтра этим и займемся. Только сама эту амфору не переставляй, — настоятельно попросил Вито и потянулся к ручке.

В дверь раздался удар тяжелой металлической ручки кнокера — Вито не успел улизнуть до прихода соседки.

— Конечно, нет! Я попрошу, вон, у Борзини парочку крепких рабочих. — Моника кивнула на дом за перекрестком, в котором шел ремонт.

Проходившие мимо него молодые домохозяйки, не отказывали себе в том, чтобы задержать взгляд на накачанных торсах строителей. После обеденной жары они еще и от маек избав-

лялись, и когда у Патриции был выходной, они с Моникой выходили на веранду, пили лимонад и делали ставки, у кого из соседок внезапно сломается кран или заклинит замок на двери и без помощи рабочих не обойтись. Но сегодня настала очередь Монике.

— Тогда хорошего дня, и не скучай. — Вито поцеловал жену в щеку на прощанье и открыл дверь.

— Доброе утро, Вито! — скрипнул голос Патриции. Она протянула корзиночку с печеньем Монике.

Та передала ее Вито, и он послушно взял.

— Держи, перекусишь в дороге. — Моника подхватила Патрицию под руку и повела в дом. — Ты вроде говорила, что у тебя есть тележка небольшая...

— Да, мой покойный Лука на ней свои инструменты возил.

— Одолжишь на денек?.. Хочу в обед сделать небольшую перестановку...

Заметив, что Вито все еще стоит в дверях и его унылый вид на корзинку, упиравшуюся ему в брюшко, Моника шепнула:

— Коллег угостишь.

У Патриции было доброе сердце, но навязчивая забота. Особенно после того, как ее муж отошел в мир иной. С тех пор она пекла печенье, справляясь так с одиночеством, и пекла его на двоих, потому что Лука любил хорошо поесть.

— Она ведь старается, — шепнула Моника, снова хватаясь за галстук Вито, будто он не давал ей покоя, и затягивая потуже. — Ты бы хоть иногда хвалил.

— Я ем. Это не одно и то же?

Моника не ответила и выпроводила его за дверь.

Как и всегда, Вито прошел мимо живой изгороди, проверяя, насколько подросли кусты.

— Снова прибавили. В воскресенье надо бы устроить им стрижку, — цокнул он, планируя выходные и поглядывая на небо. Погода не должна помешать.

А в выходные Вито любил прогуливаться до самого конца виа Анелли, сворачивал на виа Санта Марта, обходил лавку мясника, садовый магазин и газетный киоск. В садовый он заходил раз в неделю, обычно новости о поставках ему сообщала Омбретта, соседка из дома, рядом с которым шел ремонт, и которая работала в магазине. А вот в газетный киоск он заглядывал через день и покупал новый журнальчик с кроссвордами для Монике. И если повезет, новый любовный роман, которыми она так любила зачитываться. Для ежедневных вечерних прогулок у него имелся другой маршрут.

Вито посмотрел на корзинку с печеньем в руках, на фургончик в конце улицы, которого раньше не замечал, и прошествовал к машине. Завел двигатель и отправился в участок.

Размеренная жизнь провинциального городка не баловала местных жителей громкими событиями уже давно. Больше двадцати пяти лет. Жизнь в Пьячеволе не текла, она кажется застыла, только поколения сменялись.

Городок Пьячеволе, населением около двадцати тысяч человек, располагался где-то в регионе Марке вдали от скоростных трасс, затерявшись между холмами с виноградниками.

Вито ехал по извилистой дороге, петлявшей между домами с терракотовыми черепичными крышами и увитыми плющом стенами. За ними прятались сады с мандариновыми и оливковыми деревьями. По обочинам дремали трагтории и остерии, которые распахнут свои двери к обеду. Церковная колокольня, располагавшаяся в центре Пьячеволе, к которой примыкала главная площадь, отбрасывала длинную тень и, словно стрелка солнечных часов, указывала на полицейский участок. Напротив располагалась почта.

Он сделал круг вокруг фонтана и свернул на мощеную улочку.

Перед Вито возвышалось здание полиции. В отличие от старинных домов центра, оно выглядело предельно просто: полутрехэтажная постройка с плоской крышей без каких-либо

архитектурных изысков из светлого камня, крашенными в серый ставнями и гербом над входом.

— Доброе утро, Паола! — приветствовал он бессменного дежурного администратора.

Женщина в хлопковой блузке с цветным узором, при макияже, с сощуренными зоркими глазами и покрашенными в розовый тонкими губами-ниточками располагалась напротив входа. Если бы на столе стоял монитор, то за ним ее бы и не было видно, настолько невысокой она была. Зато уже с самого утра она держала вязальные спицы, и клубки пряжи соседствовали со стопками записных книжек, в которых она вела записи, и разноцветными ручками. Каждый цвет имел свое значение: текущие вопросы она записывала черной, бытовые и семейные звонки, которые еще порой случались для экономии денег на мобильном, фиксировала синим, а все срочные обращения несомненно красным.

В ее обязанности входило встречать посетителей и отвечать на звонки, словом делать всю ту работу, без которого участок просто не смог бы функционировать. Полицейские относились к ней с уважением. А некоторые не только в городе, но и в самом участке, и вовсе считали, что она главнее комиссара. Да и без нее ни одной бумажки не найти. Паола знала здесь все и всех еще до того, как они надели форму. Формально она являлась гражданским лицом, но реально командовала всеми.

— Доброе, — отозвалась женщина и подвинула Вито несколько записок.

Смахнув пыль с таблички «Комиссар полиции Пьячеволе», Вито зашел в кабинет и притворил за собой дверь.

— Ну и жара, — буркнул под нос, обмахиваясь фуражкой. От летнего зноя спасал только кондиционер и ночь, когда можно было выйти на задний двор в одной пижаме.

Вито расстегнул пуговицу на кителе, стягивающую живот, и, с мыслью, что надо бы попросить Монику переставить ее, сел в кресло. Корзинка с печеньем на столе соблазняла. Успеет ли съесть его до первого совещания и выпить еще одну чашечку кофе, прежде чем кабинет заполнят сотрудники отдела?

Когда-то Вито награждали почетными грамотами и дипломами, он удостоивался чести быть приглашенным на ужин к мэру и в администрацию города, на выступления и фестивали, где он читал для жителей о полицейском долге, о чем свидетельствовали многочисленные фотографии на стенах. Но Вито уже забыл о той славе. С тех пор как он занял пост комиссара Пьячеволе, ему не удалось раскрыть ни одного дела. Словно проклятье легло на него.

Летучка должна была начаться уже как пять минут назад, но никто так и не пришел. Вито поднялся, слегка неуклюже задев стол, и поправил ремень. Направился к двери.

— Разрешите? — в дверном проеме появилась голова одного из полицейских, с которой он едва не столкнулся.

Он кивнул тому, чтобы проходил, и распахнул дверь.

— Где все?

По участку заскрипели стулья, послышались шаги, и к кабинету потянулась ленивая вереница служащих с ухмылками на лицах, тихими смешками и шепотками.

Из-за его неудач в должности комиссара мало кто воспринимал его всерьез.

— Угощайтесь, синьора Патриция пекла, сегодня ее очередь. — Вито подвинул корзинку с печеньем к краю стола, но никто не притронулся. — Я знаю, что оно суховатое. Терпите.

По кабинету разнесся легкий смех, печенье Патриции было уже местной легендой.

— Значит так... — Вито упер руки в свои объемные бока и оглядел собравшихся в кабинете.

От двери тянулся длинный стол с мягким диванчиком с одной стороны и стульями с другой.

Вито опустил взор в первую записку. Да уж, скучнее этой летучки была только вчерашняя и позавчерашняя.

— Пу-пу-пу, у нас пропала коза синьора Ринальди с виа Гарибальди. Козу зовут Джульетта и она... белая, — Вито процитировал заявление синьора. — Ну вы это и так знаете. Кто берет?

По кабинету прокатился звук сдерживаемого смеха.

— Марко, твоя очередь?

— Давайте, — проворчал мужчина в пышные усы. От комиссара не отвертеться. — Легче легкого.

— Съезди, успокой хозяина и найди животное. Она, как всегда, пошла по городу гулять, а к нам уже едут туристы. Все будут фотографироваться с ней, коза будет нервничать, потом Ринальди от нас не отстанет, что она дает мало молока, а у него сыроварня... В конце концов, нам нужна репутация культурного города, по которому не разгуливают козы.

Вито вздохнул, оттянул слегка галстук от продолжительной речи, невольно заставившей его волноваться, и продолжил:

— Патрулирование — вы двое, ваша смена. — Он указал на пару в углу, которые лениво перекачивали зубочистки между зубами. — И у нас новая жалоба на вандала, займитесь составлением фоторобота. Нам нужно понимать, мы ищем нового преступника или все того же. — Он протянул записку с адресом выезда. — Это очень важное дело, нужно его раскрыть.

— Да, комиссар...

— Начинается туристический сезон, скоро состоится гастрономический фестиваль. Со дня на день мы получим из префектуры запрос на проверку лицензий на уличную торговлю. Тридцать точек. Спрошу сразу, у кого есть желание провести следующие выходные, общаясь с продавцами?

Счастливики, уже получившие задание, поспешили ретироваться. Остальные молчали и разглядывали потолок.

— Я так и думал. Тогда сам назначу. Лучано, твой черед.

— Комиссар, у меня теща приезжает!

— Поздравляю, ты будешь отдыхать от тещи.

Раздав поручения, Вито важно расставил руки в бока и оглядел кабинет. На одной из фотографий за плечом подчиненного он пожимал руку самому комиссару Катани. Актеру, да, но сыгравшему значимую роль в жизни Вито — во-первых, он ни разу не усомнился в выборе своей профессии, а во-вторых, благодаря ему он познакомился с Моникой.

— А теперь скажите уже мне, где носит Морелли?! — Вито обвел собравшихся придирчивым взглядом, будто мог выискать среди них потерявшегося.

За спинами собравшихся послышались шаги и ругань. Полицейские расступились, пропуская того самого Доминика Морелли, молодого полицейского с темными волосами и серьезным, вечно озабоченным, выражением лица. За капюшон толстовки он подталкивал впереди себя подростка.

— Это кто?

— Вандал! Который разрисовывал окна магазинов.

Вито кивнул, чтобы Доминик отпустил паренька. Тот исподлобья взглянул на комиссара. На вид подросток, лет пятнадцать.

— И чего имущество портим?

— Я художник будущий! — упрямо вздернул нос паренек.

— Художник... Свяжитесь с его родителями, — велел Вито полицейским, назначенным на дело вандала, и вздохнул. Те забрали подростка. — Доминик, задержись, — попросил он.

Мужчины остались вдвоем. В углу тихо гудел кондиционер. Вито сел за свое место и подвинул корзинку с угощением Доминику.

— Спасибо, я форму держу, — отказался он.

Выглядел он и правда статно, широкие плечи, узкие бедра, рост метр девяносто, к тому же выбивает по стрельбе десять из десяти и ловит преступников даже без поручения.

Морелли мог бы стать отличной заменой комиссару, ведь он и сам был таким каких-то тридцать пять лет назад. Но словно чувствуя за спиной груз ответственности и возможного проклятия, витавшего в этом кабинете, Вито не спешил с его назначением.

— Я что-то пропустил? — Доминик занял место напротив комиссара.

Смех, доносившийся из-за стеклянных перегородок из общего зала участка, вызывал неловкость. Кто-то шутил про печенье, кто-то вздыхал, что опять придется искать козу. Морелли с сочувствием коротко взглянул на комиссара. Тот изучал бумаги, не подавая вида, что тоже слышит, хотя Доминик не сомневался в этом.

— Как твоя мама? — Взгляд Вито выдавал усталость.

— Спасибо, комиссар, лучше. Врач сказал, что на следующей неделе снимут гипс. Больше... без опозданий.

Вито кивнул.

— Если тебе понадобятся еще отгулы, чтобы отвезти на процедуры или реабилитацию — говори сразу.

— Спасибо, — смутился Доминик.

— Это наш долг, помогать и поддерживать семью.

Вито поднялся и подошел к окну. Он открыл рот, но так ничего и не произнес. На другой стороне улицы у почты стоял фургончик-кемпер, очень похожий на тот, который он заметил возле своего дома. Вито невольно нахмурился, на миг забывая, о чем еще хотел сообщить Доминику.

В Пьячеволе подобные машины редкость, туристам на фургонах здесь делать нечего, ближайший кемпинговый лагерь располагался километрах в восьмидесяти от города, на побережье.

Доминик прочистил горло, чтобы напомнить комиссару о своем присутствии.

— Как ты знаешь, сегодня мой последний день перед отпуском.

— Вы заслужили отдых, комиссар. Я справлюсь, — кивнул Морелли.

— Моника шутит, что мне пора уже на заслуженный отдых. Но кем тогда я буду? Здесь я хотя бы чувствую собственную значимость, что я кто-то! — Он поднял палец. — А дома что, буду стричь газон, кусты и выгуливать Пикси?

— Когда вы вообще отдыхали в последний раз, комиссар?

Вито усмехнулся. Хитреца сверкнула в его глазах.

— Когда Белла закончила школу, и мы всей семьей отправились в Амальфи. Однажды ты займешь мое место, тогда и поймешь.

Доминик повернул к себе одна из фоторамок, что стояли на рабочем столе комиссара.

— Давно это было, — усмехнулся парень.

— Да уж она настоящая невеста уже! Давно не приезжала. — Голос Вито был наполнен тоской. Нечасто дочери радовали их с Моникой визитом. Разве что на Рождество удавалось собраться, да и то на денек. Молодые все в делах были, да в разъездах.

— Я тебя не просто так про маму спросил. На тебя можно положиться. Присмотри тут за ребятами, за участком. Они мне как семья, — грустный взгляд скользнул в общий зал. — И ты тоже.

Доминик опустил голову. Он знал, что коллеги посмеивались за спиной старого комиссара, который за двадцать пять лет не раскрыл ни одного серьезного дела.

— Спасибо за доверие, комиссар. — Морелли поднялся и протянул Вито руку. Рукопожатие вышло твердым.

— Если что, звони. Я всегда на связи. И забери печенье, пока оно не довело меня до греха бросить диету.

— Вы на диете? — Доминик позволил себе шутку, забирая со стола угощение.

— Иди уже! — махнул Вито.

В зале Морелли встретили коллеги.

— Ну что?

— Кто за главного? — в нетерпении спрашивали они.

Доминик только кивнул, губы расплзлись в улыбке.

— Мы так и знали! — хлопнул по плечу приятель.

— Это всего на две недели, пока комиссар будет в отпуске.

— Да ему уже на пенсию пора, толку от него никакого, — пошутил один.

— Я могу адресок виллы дать, у меня туда свекровь уехала, — предложил другой.

Получившие разнарядку не торопились приступать к своим служебным обязанностям.

— За работу, — велел Доминик, и подчиненные послушались.

Комиссар вернулся за стол, поправил рамку с фотографией и печально вздохнул.

После полудня, когда коза Джульетта вернулась к синьору Ринальди, а родители забрали непризнанного художника-вандала, рабочий телефон комиссара разразился трелью.

— Вито! Мой старый друг! — воскликнул низкий голос. — Это Анджело, из тюрьмы!

— Анджело, я еще помню, где ты работаешь! Неужели это ты? Как ты? Столько лет не слышались!

— Не жалуясь, не жалуясь! Как Моника? Как девочки? — Мужчина закашлялся. Сигареты еще никого до добра не доводили, а этот старый прохвост никак не мог бросить.

— Выросли, в столицу перебрались и не хотят возвращаться.

— Не навещают совсем? — с понимаем вздохнул Анджело.

— Звонят чаще, чем приезжают, — усмехнулся Вито с теплой улыбкой воспоминаний.

— Слышал, твои заключенные выиграли в футбол в окружном чемпионате среди тюрем!

— Представляешь, да?! — восторженно воскликнул Анджело. — Там один нападающий, ногами так работает, что любой профессионал позавидует! Говорят, им из клуба «Лацио» заинтересовались.

— Только им долго ждать придется, пока выйдет, — заметил Вито и засмеялся.

— Не остри! А еще на Рождество мы побили рекорд по производству панеттоне! Почти десять тысяч напекли и отправили. Между прочим, в сам Ватикан!

— То есть твои заключенные накормили папу римского? — улыбался Вито. — Чем еще похваляешься?

— Если не считать двух бунтов, после которых пришлось заменить сожженные матрасы и мебель, то в прошлом году мы в топ-10 рейтинга итальянских тюрем строгого режима! — Когда старый друг отсмеялся, он понизил голос: — Вито, я ведь не просто так тебе звоню. Я так переживаю, так переживаю за твою жизнь! — запричитал мужчина.

— В чем дело? — заволновался комиссар, хотя догадка уже мелькнула на краю сознания, а взгляд скользнул на календарь.

— Братя Скозафава.

Мрачная тень скользнула по лицу комиссара.

— Их срок закончился. Они освобождены. — Голос друга в трубке звучал взволнованно.

— Когда?

— Пять дней назад.

В телефоне воцарилось молчание. Вито было не под силу отодвинуть этот момент. Он знал, что однажды это случится и неминуемое настигнет, но все равно оказался не готов к этому. Мафиози не прощают.

— Они придут за тобой.

— Спасибо за предупреждение, Анджело.

— Если нужна какая помощь, ты скажи.

— Хорошо, мой друг. Мне нужно поговорить с Моникой. — Вито поджал губы и кивнул. В голове хаотично крутились мысли. — Пока.

Трубка легла на телефонный аппарат. Вито поднялся из своего кресла, повернулся к окну и поправил галстук. Тяжесть сворачивалась у Вито в груди тугим узлом. Фургон по-прежнему стоял на месте и за весь день, кажется, не сдвинулся с места.

— Мне определено нужно поговорить с Моникой и предупредить ее, — сказал он сам себе.

Схватив с вешалки китель, Вито выскочил из кабинета и быстрым шагом покинул участок.

Работа на заднем дворе шла полным ходом. Моника облачилась в легкое цветастое платье, из-под соломенной широкополой шляпы выбивались золотистые кудри. На руках Моника были надеты рабочие перчатки для работы саду. Двое строителей, которых она соблазнила лимонадом, следовали ее строгим указаниям. А терракотовые вазы планомерно перекочевывали на свое новое место. Патриция, сжав губы в тонкую линию, молча наблюдала за происходящим из тени веранды.

Задний двор укрывали от посторонних глаз дощатый забор и стройные темные кипарисы. Глиняные вазы с розмарином и лавандой раньше тянулись вдоль забора, соседствуя со старым мангалом. Теперь они украшали вымощенную желтоватым травертином площадку, в трещинах которой пробивались пучки травы, где располагался старый деревянный стол и разошедшиеся от итальянского зноя стулья.

В узкие щели забора и кипарисами с одной стороны проглядывал соседний двор Патриции, а рядом за калиткой открывался вид на собственную аккуратно подстриженную лужайку и пятнами пожелтевший газон соседа напротив.

Воздух дрожал от зноя.

— Левее, пожалуйста! — Потягивая из трубочки лимонад, Моника следила за выполнением ее распоряжений. Она отставила бокал и поспешила к рабочему: — С этой, пожалуйста, аккуратнее. Она мне особенно дорога...

— Моника! — воскликнул Вито, выскочив на задний участок.

Жена выставила указательный палец, чтобы муж подождал и продолжила наставлять рабочего.

В нетерпеливом ожидании Вито перетаптывался, ходил из угла в угол под тенью одинокой оливы и закусывал губу, глядя за изменениями на заднем дворе.

Выглядело все так, будто Моника решила не ограничиваться только перестановкой ваз, а, как и следовало ожидать от домохозяйки, занялась устройством кардинально. На участке царил беспорядок.

Вито оглянулся за забор, откуда просматривалась улица перед домом. Фургон-кемпер снова был тут. Ощущение удушливого взгляда не отпускало. Вито проверил щеколду на калитке, убеждаясь, что та хорошо закрыта. Зашел в дом, задернул занавески на окнах плотнее.

— Моника! — снова выкрикнул Вито, привлекая внимание собравшихся в саду. Он не сразу заметил Патрицию в углу веранды, и на мгновение смутился. — Нам надо срочно поговорить!

Вито вышел в центр сада и стер пот со лба. На этот раз мрачное выражение лица мужа быстро дало ей понять, что произошло нечто неординарное, потому что не видела Вито в таком настроении прежде. По крайней мере, уже много-много лет.

Жестом отдав указание свернуть работы, она кивнула рабочим на выход и не глядя всучила им графин с оставшимся лимонадом.

— Патриция... — сказала Моника, напоминая и соседке, что пора честь знать.

— А тележка?

— Потом! — шикнула Моника, махая ей рукой. — Я тебе ее потом завезу.

Нехотя Патриция удалилась, смерив напоследок комиссара недовольным взглядом.

Вито и Моника, наконец, остались наедине и встретились лицом к лицу в центре двора, в котором остался небольшой хаос.

— Что случилось? — взволнованным взглядом она посмотрела в лицо мужа, ища под-
сказки.

— Братя Скозафава вышли из тюрьмы.

Моника ахнула, закрывая рот ладонью.

— Пять дней назад. И возле нашего дома стоит фургон, который был здесь утром и после
весь день стоял напротив полицейского участка, — сказал он голосом, лишенным эмоций.

Моника вытянула шею, чтобы увидеть машину через забор. И тотчас пригнулась, чтобы
ее не заметили.

— Думаешь, это они? — шепнула она, боясь, что ее услышат.

Глаза Моника тревожно расширились. Новость, которую ей сообщил Вито, совершенно
выбила ее из колеи.

— Больше некому.

— Что нам делать?

Вито развернулся, подошел к плетеному из ротанга креслу и сел. Устало промокнул лоб.

— Я не знаю, Мони. Я заслужил это. — Его лицо стало цвета мела.

— Не смей говорить так! — Моника наставила на него указательный палец.

— Дорогая... — Вито поднялся и медленно приблизился к супруге. Он выглядел блед-
ным и испуганным. — По завещанию все достанется тебе и дочкам. Мое место на работе зай-
мет Морелли, надеюсь, я воспитал себе достойную замену...

— Да, хороший мальчик, — бросила Моника.

Ее зрачки сузились, взгляд хаотично бегал по лицу Вито, выдавая ее активную мозговую
деятельность. Моника не была готова мириться и старательно искала выход из сложившейся
ситуации.

Вито невольно положил руку на грудь и слегка потер, ощутив, как учащается биение
сердца и начинает ныть. Комиссарская должность не предполагала активной оперативной дея-
тельности и больше заключалась в бумажной волоките. Подобного стресса Вито давно не испы-
тывал. Его кулак медленно двигался, продолжая совершать массажные движения.

Вдруг зрачки Моника сузились, а тело застыло. Придумала.

— Завещание, говоришь? — начала как можно беззаботнее.

Вито неуверенно кивнул. В груди сильно ныло. Он снова опустился в кресло и глотнул
лимонада из стакана. В дверь раздался удар кнокера.

Дышать стало трудно. Вито ослабил узел галстука, который вдруг ощущался удавкой.

Почти весь путь до дома Вито не сводил взгляда с зеркала заднего вида — фургон ехал
за ним. Надежда на то, что ему все это кажется, и за ним никто не следил, стремительно таяла.

— Моника, принеси мне таблетки...

Глава 2

Три дня спустя Пьячеволе хоронила своего комиссара.

Церковь Сан-Франческо была набита битком. Местные жители, полицейские в парадной форме, и пара репортеров из провинциальной газетенки — все пришли проститься с Вито Луиджи, человеком, который сорок пять лет прослужил в полиции, раскрыл кучу дел (или не раскрыл, это смотря, как посмотреть) и умер от сердечного приступа, так и не дожив всего полдня до долгожданного отпуска.

Так, по крайней мере, говорила официальная версия.

Моника стояла у гроба в черном платье и темных очках. Она держалась прямо как настоящая актриса, которой когда-то давно и была, до замужества. Она блистала даже на ролях третьего плана, которые ей обычно и доставались. Съёмки свели их с Вито, когда он приехал на оцепление места преступления еще молодым курсантом и отлучился в кофейню, которая оказалась съемочной площадкой.

Рядом с подавленной вдовой, поддерживая мать под руки, стояли их с Вито дети. Сильвия, старшая дочь, с мужем Бруно и двумя детьми, приехавшими из Милана. И Белла, младшая, которая вечно влипала в неприятности, не продержалась ни на одном рабочем месте дольше трех месяцев, но продолжала искать любую возможность зацепиться за столицу и не возвращаться в Пьячеволе.

Высокая и стройная Сильвия в темном брючном костюме скосила недовольный взгляд на младшую сестру. Та запыхавшаяся переводила дыхание, одета она была в джинсы, то тут, то там потертые и с дырками, и футболке с красной надписью, так неуместно смотревшимися в церкви на похоронах. О чем собственно, Сильвия и не преминула напомнить:

— Неужели ты не могла переодеться? — фыркнула старшая.

— Я только с поезда, — возразила младшая, наконец отдышавшись. Она поставила к ногам дорожную сумку с вещами.

— Оно и видно.

— Ты сама только сегодня прилетела! — не сдержалась Белла. — И у меня нет свободных денег на самолеты, а поезда ходят реже и по дурацкому расписанию.

— Ты опоздала, — не сдержалась Сильвия.

— Сомневаюсь, что папа заметил.

— Цыц! — шикнула Моника на дочерей, решившись выяснить отношения перед гробом.

Благодаря чаяниям Морелли и администратора участка Паолы, дочери приехали на похороны. Хотя, как считала Моника, делать им тут было совершенно нечего. И если бы не эти двое сердобольных, взявших на себя организацию и из-за которых полгорода прощалось с Вито, она бы им ни за что не позвонила.

Вздохнув, Моника шмыгнула носом. Дочери помолчали немного.

— Мам, держись, — Белла подбадривающе похлопала мать по ладони.

— Как же так?.. — Сильвия стерла дорожки слез. — Он же был здоровый. Папа ни разу не говорил, что у него что-то с сердцем... Откуда?

— Ты редко звонила ему, — быстро шепнула Моника, слегка склонив голову к дочери. Не смогла промолчать.

— Он наблюдался у врача? — Бруно протирал очки безворсовой салфеткой и, закончив, вернул их на нос.

— Нет, все случилось внезапно. Сердечный приступ и... Все.

— В таком возрасте бывает, — за спинами женщин раздался учтивый голос Доминика Морелли. Он и сам в последние дни не раз думал о том, что смерть комиссара была слыш-

ком внезапной. — Синьора Луиджи, мои соболезнования. — Он в почтении склонил голову к вдове, кивнул и дочерям комиссара.

— Спасибо, — вздохнула Моника.

— Он выглядел бледным в тот день, когда покидал участок.

— Д-да... Он переживал... за снасти, — нашлась она.

Сильвия подтолкнула детей к скамье в первом ряду, чтобы занимали места.

— Почему гроб закрытый? — свел брови Бруно.

Сильвия наградил его многозначительным взглядом.

— Я ведь просила, маме и так нелегко... — шикнула она на мужа.

— Все в порядке, — отмахнулась Моника, — Вито сам просил об этом.

Она утерла глаза платком, хотя слез видно не было, и отошла к другим скорбящим. Начинаясь прощальная церемония. Однако от речи она отказалась, что подтвердило догадки дочерей, что внезапная смерть их отца слишком шокировала ее и порой она не всегда понимала реальность происходящего. Сильвия с Беллой переглянулись, впервые за долгое время сходясь во мнении, что маме потребуется помощь.

Доминик Морелли стоял у выхода и нервно крутил в руках фуражку. Его только что назначили временно исполняющим обязанности комиссара. Он не знал, радоваться ли этому. С одной стороны, повышение. С другой, смерть комиссара не самый приятный старт для карьеры.

Гроб вынесли из церкви, и все потянулись наружу, к кладбищу за холмом, где солнце заливало золотом кипарисы. Моника шла первой, вытянутая как струна, и никто из процессии не догадывался, чего ей стоит эта прямая спина.

В толпе мелькнули двое здоровяков. Огромные, как шкафы, в дорогих костюмах, пошитых на заказ. Пиджаки из крупной шотландки сидели идеально, будто эти двое мужчин с рождения привыкли одеваться в лучших ателье. Они не подходили к гробу в церкви. Стояли в стороне и на кладбище и о чем-то перешептывались.

Моника краем глаза следила за ними из-за темных очков. Кивала и отвечала на автомате гостям, не всегда разбирая слов говоривших. Ее сердце колотилось где-то в горле.

— Мам, а кто эти двое? — шепнула Белла, проследив мамин взгляд. — Выглядят, как... мафиози.

Она поежилась.

— Наверное, папины коллеги. Он работал с разными людьми, — голос Моника дрогнул, она отвернулась.

Фабио и Марио Скозафава, родные братья, члены могущественного римского клана, который в 70-80-е годы был ключевым посредником между всеми мафиозными семьями Италии. Они вышли из тюрьмы неделю назад.

Их посадили за убийство двадцать пять лет назад. Всего за одно. И хоть их вину не смогли доказать в остальных убийствах, за ними закрепилась легенда, что именно они виновны в целой серии преступлений. И вот они вышли на свободу, о чем и предупредил старый друг Анджело.

Когда гроб скрылся под землей и настало время расходиться, Моника обернулась к гостям:

— Кто хочет печенья? — улыбнулась она.

— Мама, ну какое печенье?!

— Самое обычное, хотя нет, с шоколадом. В этот раз я добавила семидесяти пятипроцентный шоколад. На похоронах разве запрещено печенье?

— Мама, давай я провожу тебя в машину. — Сильвия взяла ее под руку и повела по дорожке. Махнула Бруно, велел следовать с ними и не задерживаться.

Старшая дочь усадила мать на заднее сиденье вместе с детьми, Бруно занял место за рулем.

— А Белла, мы оставим ее здесь? — заволновалась Моника.

Сильвия обернулась.

— Дети, подвиньтесь. Белла! — позвала она сестру.

— Иди ко мне, Розалитта. — Белла посадила к себе на руки племянницу.

Вереница машин направилась к дому покойного комиссара. Они ехали будто на параде. Бруно даже расправил плечи и сел поудобнее в кресле: за ним ехал кортеж полицейских машин, не меньше десятка.

Машины подъехали к дому, Моника ступила на тротуар.

— И долго тут все это будет? Не проехать! — брюзжал синьор Жерардо Росси из дома напротив. Он катил на своей электрической инвалидной коляске по дорожке с совершенно недовольной миной. — Не улица, а полицейский участок какой-то.

Полицейских и правда собралось много. Если бы не похороны, можно было бы предположить, что произошло громкое преступление, поставившее небольшой городок на уши и куда съехались все представители власти вместе с репортерами.

Сильвия наморщила нос. Она с детства не любила этого противного старикашку, который кричал на всю улицу, стоило ей хоть посмотреть на их дом. Но теперь она была повзрослевшей и характером, закалившемся в деловых переговорах с миллионерами.

— Синьор Росси, вы могли бы проявить уважение и скорбеть, — заметила Моника, однако, не взглянув на старика.

— Скорбеть я буду о том, что теперь ваша шавка Пикси будет бегать на мою лужайку без зазрения совести. Добро пожаловать в клуб вдовцов, — проскрежетал Жерардо. Хотя Моника не была уверена, отчего больше шел этот противный звук, от соседа или его коляски. Ее звук можно было услышать с другого конца улицы.

— Жерардо, а вы разве не должны были уехать? — задрала острый нос Моника.

— Уже считаю часы! — сосед дернул ручку управления коляской, ускоряясь, и направился к дому, ругая по пути полицейских. — Всех збирро с глаз долой! — ворчал он.

Дочери не дали Монике зайти в кухню и усадили ее в гостиной. Они огляделись.

— Мам, ты даже не подготовилась, — заметила Сильвия, отмечая скудные тарелки с печеньем.

Кроме этого ничего и не было, зато вазочек и корзиночек по дому была наставлена масса. Еще бы, Моника провела весь вчерашний вечер и утро за готовкой после того, как Морелли и Паола заявили на весь город, что комиссара следует проводить достойно и со всеми почестями. Спасибо, Патриция подсобила.

— Я, вообще-то, и не ждала никого, — бросила Моника, задумавшись о своем.

— Мам... Прости, что мы так редко приезжали. — Белла сделала жалостное выражение лица.

— Ай, да перестань, — отмахнулась Моника. — У вас своя жизнь.

Она отвернулась, проверяя взглядом, что дверь, ведущая в подвал, закрыта.

Ей ничего не оставалось продолжать принимать соболезнования. Патриция в соседнем кресле все причитала про своего Луку.

— А ты как будешь теперь счета оплачивать? — сочувственно произнесла она. — Я после смерти своего только и свожу концы с концами. До сих пор приходится в этой чертовой аптеке работать.

— Все наладится.

Но та только все больше расходилась.

— Тебе-то полегче будет, у тебя вон дочери помогут. И пенсия от полиции будет за мужа. Это мой лоботряс был.

— Почему ты так говоришь? Лука был трудолюбивым.

— Да, разнорабочим. Где он только ни работал, но везде получал только копейки. А от почты, где прослужил последние годы, даже казенной бумаги мне не оставил. Только этих гномов, которых никто не хочет покупать, — со злобой и разочарованием произнесла она.

К женщинам подошла Белла и протянула по стакану с лимонадом.

— Лука у меня чистюля был. Всегда пылесосил. Вот раньше я посыпалась в субботу, а он уже ковер в доме вычистил. Всегда следил, чтобы средства для уборки не заканчивались. По магазинам сам ходил. А кто теперь кусты твои будет стричь? Нанимать? — не унималась Патриция.

Рядом с Моникой на диван опустилась Омбретта и включилась в разговор.

— А я тоже такая, — провозгласила она. — Если мука какая на столе остается, я все начисто оттираю, чтобы пылинки не осталось! И сын у меня такой-же. — Она указала на молодого мужчину, ростом под два метра, но настолько худого, что любая одежда на нем висела. Прямо сейчас на нем висели бежевый джемпер, который явно ему выбрала мать, и коричневые брюки в тон. В свои сорок он жил вместе с мамой.

Омбретта огляделась и улыбнулась, наблюдая, как Флавио нерешительно крутится вокруг Беллы. Поправив челку, он, наконец, протянул ей руку.

Женщина не скрывала, что уже давно мечтает найти для своего сына достойную партию, что даже джинсы и яркая футболка Беллы не смущали ее. И только обрадовалась случаю, что младшая дочь Луиджи, наконец, вернулась в Пьячеволе. Сама же Омбретта была женщиной утонченной и боголюбивой, одетой с иголки в хлопчатобумажное черное платье ниже колена и воротником-стойкой, в которое она облачалась каждое воскресенье на службу.

— Столько тут полицейских, — поежилась Омбретта, будто ей было не по себе.

— Мы комиссара хороним, — заметила очевидное Патриция, будто та за своими мыслями о том, как бы свести Флавио и Беллу совсем забыла, где находится.

— Да я понимаю. — Омбретта виновато потупилась. — Просто вспомнилось, как мне я в молодости провела ночь в полицейском участке. Потом три года шараялась от каждого полицейского. До сих пор, как кого в форме увижу, колени трясутся.

Моника рассеянно кивнула, думая о своем. Плечи опустились. Ей было не до соседских страхов. Да и истинная причина, почему Омбретта была редким гостем в их доме, уже давно покрылась толстым слоем местных слухов и состояла в том, что отец Флавио был мошенником.

Соседки продолжили разговор, одна о своем покойном Луке, вторая о том, кто даже не знала, жив ли, так как навещал ее набегами. И та от одиночества вложила все свою заботу в сына.

Монике ничего не оставалось, кроме как пустым взглядом смотреть в стену напротив, на картину, привезенную из путешествия по побережью Сицилии, и не слушала причитания женщин, изображая из себя скорбящую вдову.

Омбретта явно больше не намеревалась предаваться воспоминаниям.

— Соболезную, — на миг она замерла и удалилась.

Патриция, кряхтя, тоже поднялась.

— Моника, я бы тележку хотела забрать? — проскрипела Патриция, как та сама телега.

— Бруно убрал там все, — сообщила появившаяся Сильвия. — Я узнаю, куда и, как только появится возможность, все вернем. На дворе был хаос, нам пришлось в сжатые сроки все приводить в порядок, — жестикулировала она. Второй рукой Сильвия держала поднос с напитками.

Патриция поджала губы.

— Если вам что-то срочно нужно, я могу попросить Бруно...

Сильвия перевела взгляд на мужа, но тот явно выражал мнение, что ему заняться как будто больше нечем. Посмотрел на часы.

— Позже, когда найдет время, — добавила она.

— Она принадлежала моему покойному Луке. — Патриция утерла уголком платочка влагу с глаз. — Как же ты теперь будешь, Моника? Но у тебя хоть дети есть, они могут помочь.

Никто не обратил внимания, как Белла потупила взгляд и отошла. Монике удалось сохранить на лице маску невозмутимости, что от этих детей толку было как от козла молока.

Как от Ромео, к которому все время сбегает и норовит залезть коза Джульетта синьора Ринальди (Моника покосилась на Бруно и Сильвию: вечно занятые, вечно в разъездах — у них всегда найдется тысяча причин не приезжать. Даже на Рождество. Вот Бруно-то будет счастлив, наперезаклучается своих контрактов, а Сильвия очередной бизнес-проект запустит).

Или как от Джульетты, которая постоянно влезает в неприятности и раз в месяц ее хозяин пишет заявление на розыск (Моника перевела взгляд на Беллу: та, обхватив себя руками, кусала губу, будто не знала, как выпутаться из очередной истории, или уже придумывала новую, в которую собиралась вляпаться).

Поминки проходили тихо, коллеги вспоминали заслуги комиссара добрым словом и больше молчали. Особенно те, кто раньше посмеивался над пожилым комиссаром в участке. Они и покинули дом одними из первых.

По комнате прокатился кашель старого курильщика. Все обернулись на бывшего комиссара полиции Пьячеволе — Дарио Галли, под руку с молодой, в сравнении с ним самим, женщиной. Дородный синьор, опираясь на клюку, в черном костюме, прошествовал к дивану.

Увидев предшественника Вито, Моника расправила плечи и выпрямилась.

— Мои соболезнования, — учтиво склонился синьор Галли. — Это моя дочь моя, Кьяра, — представил он женщину.

Не сразу поверив, Моника моргнула — у него ведь был сын. Но уточнять не стала. Выглядела она моложе Моника, с легкой проседью, скрытой под краской, темной одежде и небольшим кулоном на тонкой цепочке вокруг шеи. Раньше Моника совершенно точно не встречала ее в городе. Руки ее были крепкими, как и все телосложение плотным. Если бы Галли не представил ее дочерью, то Моника подумала бы, что это сиделка или медсестра. Поэтому, когда Патриция рядом уточнила:

— Это?..

— Это дочь, — шепнула Моника соседке, решив, что та плохо слышит. А сама принялась вспоминать, сколько лет сыну бывшего комиссара и вычислять, когда он мог успеть завести себе дочь, если Моника совершенно точно помнила, что Галли в момент повышения до должности квестора был еще женатым и на тот момент сын у него уже был.

Когда бывший комиссар вновь закашлялся, Кьяра посетовала про болезнь, схватившую отца за его, как она считала, прегрешения в курении. Монике, конечно, подумалось не только об этом, у нее было собственное мнение, за что синьор Галли мог быть так наказан, но упоминать вслух не стала. Это сделали уже за нее. Да и время не жалело — лицо покрылось грубыми морщинами на те годы, что Моника его не видела, а волосы окончательно обрели белый оттенок.

— Пройдоха! Неужели это ты, старый пень? А я-то думал, ты давно в доме для престарелых сидишь. — Пожилой сержант радостно пожал руку бывшему начальнику. — Хотя какой уж тебе дом престарелых, так поднялся ты! — он вознес указательный палец кверху.

Лицо Моника исказилось, словно от кислого лимона. Но как актриса со стажем, она быстро скрыла это и заметила, как новая благообразная внешность солидного синьора Галли на миг дала трещину.

— Как ловко вы с Вито их тогда прижучили! — добавил другой полицейский, залихватски взмахнув кулаком.

При упоминании старого дела все взгляды собравшихся обратились к Монике и Галли, будто они могли поделиться подробностями расследования спустя двадцать пять лет. Вито так не любил говорить о нем. Взгляд Моника метнулся к синьору Галли. Тот только покивал головой, окунаясь в собственные воспоминания.

Об их работе над раскрытием громкого дела в участке складывали легенды. Но Вито, в отличие от Галли, не любил поднимать эту тему. Да кто уж теперь его спросит.

— Вы пошли на повышение, Вито стал комиссаром! — вспоминал сержант.

Прислушиваясь к разговорам, в гостиную зашел Доминик.

— Я помню, в газетах писали. — Сильвия подошла к книжному шкафу.

Вито никогда не выставлял грамоту с новостной статьей напоказ, но Сильвия совершенно точно знала, где он прятал семейные реликвии. Она открыла дверки шкафа и, раздвинув толстые фолианты юридических справочников, извлекла из глубины то, что искала — старую красную папку.

Сильвия протянула заметку из старой газеты, заботливо оформленную Паолой в целлофан.

Газетная статья пошла по рукам.

— Как страшно жить, — покачала головой Омбретта. — Хорошо, что у нас уголок тихий.

— Но ведь раскрыли только одно дело. Остальные так и висят. Столько лет прошло, улики нет, — заговорила Моника, устремляя взгляд на синьора Галли.

Тот сложит руки на набалдашнике клюки.

— Как хорошо, что Вито поймал тех, кто их совершали, — ответил он, не глядя на нее.

Бруно пробежался взглядом по статье и передал газету Патриции.

— Благодаря ему серийный убийца больше не разгуливает по улице, и мы можем спать спокойно, — пожал плечами зять.

Пальцы Моника скрутили платок и натянули так сильно, что казалось ткань вот-вот треснет в ее руках. Она в нетерпении поднялась, не желая больше слушать эти разговоры. Но соседям только дай языками почесать. Будто они собрались не на похоронах, а на городской ярмарке, чтобы обсудить местные сплетни! И совершенно не стеснялись: конечно, ведь покойный, по их мнению, не услышит их. Даже из уважения к Монике.

Она склонилась к соседке, чтобы забрать вырезку, и шепнула:

— Прости, вы с Лукой переехали уже после того, как все это случилось. Весь округ жил в страхе.

— Я помню, до нашего Санта-Кроче слухи тоже дошли, — отозвалась соседка.

— И все же, преступников осудили только за одно убийство, — смиренно напомнил Морелли. — Связь с остальными не была установлена и доказана.

— Это мафия! — отмахнулся Бруно, вступая в спор с Домиником. — Где одно, там и десять.

— Все указывало на них! — раздался удар клюки. Синьор Галли поднялся.

Сопровождаемый кашлем, который не давал ему сделать полноценный вдох, он направился к двери.

— Папа еще хотел жену покойного троюродного брата Габриэля навестить. Мои соболезнования. — Вежливо попрощавшись, Кьяра последовала за ним.

Воспользовавшись суетой, Бруно выскользнул на задний двор и закурил. Похоже, ему уже порядком надоело слушать о единственном достижении тестя, которое из года в год каждое Рождество мусолилось шепотом. Однако вспоминали об этом все, кроме Вито. Его смерть будто открыла ворота для сплетен и слухов, которые при нем приходилось всем сдерживать в себе.

Бруно устало расхаживал по двору, взывая к всевышнему и моля поскорее уехать и вернуться к работе, договоренности и контракты не терпели отлагательств.

В гостиную же полицейские продолжали:

— Эти убийства произвели много шума не только здесь, но по всему региону.

— Я считаю, что Вито получил должность комиссара заслуженно, — говорил второй.

Некоторые помалкивали, видимо, решив придержать свои шутки по комиссара и его успехах в полиции за последние годы в день его похорон при себе. Рты они держали на замке, а глаза виновато поблескивали. Но не все. Парочка самых молодых, для которых Вито не успел стать образцом для подражания, считали, что место комиссара не для того, чтобы просиживать его годами.

— Я лучше пойду. — Патриция поднялась и оправила черную юбку, доходящую до голени.

Увидев, что Патриция идет к двери, Сильвия тоже спохватилась.

— Давайте я вас провожу.

Она наградила супруга яростным взглядом через стекло, ведущее на задний двор. Вероятно, за то, что оставил ее одну разбираться с гостями, в то время как она бы сама с радостью улизнула и проверила электронный почтовый ящик — она ждала важного письма.

— Ты знаешь, печь печенье — это неплохое занятие. Хоть чем-то можно заняться. Ты не удивляйся, что Моника так. Ей нужно куда-то выплеснуть свое горе. Мне тоже нужно чем-то занять руки и мысли. И ей.

— Да-да, — отстраненно ответила Сильвия, доставая из кармана телефон.

— Соболезную, синьора, — сказала Патриция и заметила, что та держит угощение, принесенное ей. — Вам понравилось мое печенье? Ешьте, это помогает. Мой Лука, царствие ему небесное, любил поесть. Завтра еще вам принесу.

— Спасибо, Патриция. Очень вкусно. — Сильвия машинально откусила кусочек.

— Там миндаль, — пояснила Патриция. — Лука любил. Я всегда ему с миндалем пекла. — Она ненадолго замолчала: — Ваш папа был сильный духом. Я и не знала, что Вито раскрыл те преступления.

— Да, — отмахнулась Сильвия. — Это единственное, что он достиг и больше ничего. Он не любил вспоминать то время.

— Почему?

— Вы же слышали, что о нем говорят, — отстраненно пролепетала Сильвия, набирая кому-то сообщение. Ее пальцы при этом очень быстро передвигались по экрану, и что там говорила соседка.

— Что ж, теперь он может наблюдать за нами только с того света и не может запретить нам эти разговоры, — скрипнула Патриция. На лице появилась легкая улыбка, блаженная, будто светлые воспоминания ей пришли, и одновременно мечтательная. — Может, свидится там с моим Лукой.

Патриция хотела уйти, однако Сильвия вдруг продолжила:

— Понимаете, как будто рок: после его назначили на должность комиссара и все — он погряз в бумажках, а оперативной работой больше и не занимался. Сомневаюсь, что он даже оружие хоть раз брал в руки с тех пор, — хмыкнула Сильвия.

— Что ж, милочка, и такое бывает. Порой мы перестаем заниматься тем, что нам так по душе. Бывает, ломается в нас что-то, и мы можем только тешить себя воспоминаниями и разглядывать старые фотографии. Почему вы вышли босая? — Патриция воззрилась на голые ступни.

— Заземляюсь. Психолог говорит, это помогает привести нервную систему в порядок. Двадцать минут и голова ясная.

Соседка сделала полную скепсиса мину и удалилась:

— Хорошего вечера.

Сильвия осталась расхаживать на лужайке босыми ногами. Мимо к дому прошли два здоровяка в костюмах.

В это время Моника решила себя отвлечь и, словно забыв, где находится, сватала Флавио Белле.

— Как он тебе? Нам ведь нужно мужское плечо.

— Мам, давай потом, — взгляд Беллы просил о помощи. Он натолкнулся на Доминика, стоявшего в углу.

Тот лишь слегка пожал плечами и шепнул одними губами:

— Ей нужно чем-то заняться.

Дом пустел, собравшиеся медленно расходились, а подносы с печеньем почти опустели. Внуки, Розалитта и Джованни, давно устали в планшеты. Белла наводила порядок и провожала гостей.

— Мам, тут к тебе. — Она вновь появилась в гостиной, а за ее спинами два шкафа в костюмах в шотландскую клетку. — Папины коллеги.

Новоприбывшими гостями оказались братья Скозафава.

— Наше почтение, синьора.

Моника медленно села на диван, так удачно оказавшийся рядом, и застыла.

— Мы соболезнуем вашей утрате, — заговорил один из них, Марио.

Его брат Фабио снял с головы шляпу и прижал к груди.

— Это же?.. — нахмурился Доминик.

Моника перехватила его за руку, заставляя замолчать:

— Все в порядке.

— Мэм, нам очень жаль, что это случилось. Мы не успели увидеться с Вито сами раньше.

— Ничего-ничего, он передавал вам привет и вспоминал добрым словом. Хотите печенье? — Моника протянула им тарелку, и Марио с радостью взял сразу два.

— Спасибо. Тут такое дело... Мы пришли узнать... — смутился Фабио.

— Как комиссар умер, — подхватил его брат.

— Обычный сердечный приступ, — отмахнулась Моника, как ни в чем не бывало.

Однако вспомнив, что она должна играть роль вдовы, женщина приложила ко рту белоснежный платок и разрыдалась в него, заставив всех остальных прийти в недоумение. И в другой раз это не вызвало бы вопросов, но Моника Луиджи не пролила ни одной слезинки ни в церкви, ни на кладбище, то сейчас слезы катились градом, а лицо покраснелось. Она продолжала всхлипать, закрывая платком некрасивую, искаженную горем, гримасу.

— У него было слабое сердце! Столько нервной тревожной работы!

На этих словах Моника Сильвия озадаченно перевела взгляд в окно на тихую улочку городка, утопающую в кипарисах и цветах, где даже муха вряд ли могла пролететь без ведома жителей.

— Он же постоянно пил лекарства. Не хотел, чтобы его выгнали со службы.

Белла нахмурилась, приглядываясь к полке, на которой стояли лекарства.

— Ой-ой-ой, мой Вито! Как же так! — продолжала заливаться Моника. — Мы были с ним на заднем дворе, когда все его настигла смерть с косой! Как раз Микелла пришла, наша флористка. А Вито начал падать. И та стучит, и этот лежит! А я же не могу его оставить! Я кричала ей, она не слышала. — она расходилась все пуще, ее голос походил на завывания. — Вито весь покраснел, потом побледнел. А я ведь проходила курсы первой помощи, делаю ему массаж сердца, как учили. Он ведь был такой молодой! Но... было слишком поздно!

На последних словах голос Моника стих и стал бесцветным. Больше платок она не держала. Откинулась на спинку дивана и отвернулась.

Братья Скозафава молчали, опустив глаза в пол, будто могли там разглядеть что. Наконец, они сжали кулаки и переглянулись. Заметив, как взгляд одного скользнул по корзиночке с печеньем, Моника подвинула ее им

— Берите еще! Вито уже нет, чтобы их съесть.

— Что ж... еще раз, наши соболезнования, — опомнившись, глухо произнес то ли Фабио, то ли Марио, Моника запуталась кто из них кто.

Когда за братьями Скозафава закрылась дверь, Моника воскликнула, уставившись на Беллу:

— Ты зачем ихпустила?

— Они же папины коллеги!... — растерялась Белла под строгим взглядом матери. Та откинулась на спинку и прикрыла глаза ладонью, чувствуя, как колотится ее сердце.

— Ты меня в гроб сведешь однажды, — мать закатила глаза.

Белла непонимающе посмотрела на Бруно, старшую сестру, к ее несчастью заставших эту сцену, но та лишь пожала плечами.

Моника подошла к окну.

— Это были братья Скозафава, которых ваш папа арестовал. Они оказались в тюрьме из-за него, — вставил Доминик. Он надел фуражку. — Синьора, не волнуйтесь, я присмотрю за ними.

Белла прикрыла рот ладонью. В свою очередь, Моника в задумчивости кусала губу, наблюдая, как мафиози удаляться по лужайке к фургону.

«Что ж, это не плохо, пусть собственными глазами видят, что Вито больше нет» — она задернула занавеску. Весь ее вид говорил о том, что поминки закончены.

— Раз все разошлись, идите отдыхать. А я поищу Пикси, — отстраненно проговорила она и суетливо заторопилась в кухню.

Взгляды оставшихся остановились на одной точке, куда только что смотрела и Моника — на Пикси, лежавшую в кресле, но которую она определенно не видела за вуалью горя.

Поведение матери вызвало естественную тревогу у дочерей. Они переглянулись. Сильвия крутнула пальцем у виска, вопрошая у Беллы, не показалось ли ей.

— И это печенье на кладбище, и по всему дому, — задумчиво протянула Белла.

— Она до сих пор не приняла папину смерть... — Сильвия замолчала.

Белла посмотрела на нее в упор.

— Ты ведь видела, как она плакала! — шикнула Белла.

— Да, — кивнула она. — А потом перестала.

— О том и разговор, — давила голосом Белла, вперив в сестру многозначительный взгляд. — Нам нужно остаться.

Старшая сестра не успела ничего ответить, вернулась Моника.

— Пикси! Ах, вот ты где, милочка, — улыбнулась она находке. Схватила белую болонку под живот и развернулась.

— Мам, задержусь на минутку, — попросила Белла, не обращая внимания, как Сильвия ошетичилась.

Не ожидавшая подвоха Моника взглянула на дочь и улыбнулась самой милой улыбкой, хотя ей уже очень хотелось сбежать. Не привыкла она к тому, что дом полон гостей. Пусть и самых близких родственников.

— Мы так редко приезжали, а теперь папы нет... Я тут подумала...

Поняв, о чем хочет сказать сестра, Сильвия замахала головой, что не согласна. Начала жестикулировать, что вопрос требует обсуждения еще раз. Но решительно настроенная Белла отвернулась:

— Мы могли бы исправить это.

— Что? О чем ты? — застыла шокированная Моника. Ее взгляд метался между дочерьми.

— Я могу остаться, мне торопиться не обязательно. Сильвия может отпуск взять... или поработать удаленно, — быстро добавила Белла под испепеляющим взглядом сестры.

Губы Моника сомкнулись в тонкую линию. Она переводила взгляд с одной дочери на другую и впервые не находила слов!

«Явились! Вот их не звали, а они, мало того, что приехали, так еще и остаются! Уму непостижимо!»

— На пару недель точно, а так как будет видно, — пожала плечами младшая.

Сильвия выдавила улыбку, пытаясь подбодрить то ли себя, то ли мать. Уже и Бруно, заметив напряженную сцену, больше прислушивался к разговорам в семье, чем к собеседнику в наушнике на другом конце связи. Он совершенно не был готов к этому, стоял, с недоуменным выражением лица и открытым ртом.

— Да-да, мам, так будет лучше. Поможем тебе тут, приведем двор в порядок, ты же хотела там что-то сделать... — Сильвия принялась активнее тыкать пальцами в экран телефона, словно сразу обозначая, что она женщина деловая, и времени на любые работы по дому у нее нет.

С каждым словом старшей дочери губы Моники становились все тоньше. Глаза тоже превратились в две тонкие щелочки.

— Правда, Бруно? — Сильвия толкнула мужа вбок локтем.

— Что?! Но у меня... — Он на миг оторвался от телефонного разговора.

Но по выражению лица супруги быстро понял, что сопротивление бесполезно, а ее многозначительный взгляд обещал строгий разговор наедине.

— А, да... Без проблем, — грустно улыбнулся он сникая. Отвернулся и страдальчески закатил глаза. Встреча, о которой он только что договаривался, срывалась.

— Вот и отлично! — Белла села на диван между племянниками, приобняла их и закинула ноги на журнальный столик.

В другой раз Моника бы промолчала на подобный жест. Подумаешь, дочь и так редко приезжала, что уж, от нее убудет, если она закинет ноги на столик. Но в этот раз не сдержалась:

— Убери ноги! Я, вообще-то, его натираю полиролью! — махнула Моника и вылетела из гостиной.

«Вы только подумайте! А нам-то что теперь делать?!»

— Она точно не в себе, переживает из-за смерти, — согласилась Сильвия, закатывая глаза и потирая их от усталости.

Общество детей не вписывалось в план Моники, как и пышные похороны. Неразборчивое ругательство сорвалось с языка под нос, но никто его не расслышал.

— Идем!

Она погладила Пикси и выставила ее за дверь, ведущую на задний двор. Собака растерянно застыла, не понимая, почему ее вдруг разбудили, подняли с теплого места и отправили гулять. Да еще и ваз на привычном месте, куда она обычно ходила, не было.

Моника же, в свою очередь, на цыпочках подошла к двери, ведущей на нижний этаж дома. Убедилась, что за ней никто не идет, и юркнула в подвал. Тихо прикрыла за собой дверь на замок.

— Почему они еще не уехали? — Вито уставился на супругу. — Вот чего они явились? Да этого они что-то не спешили навестить нас, все у них какие-то дела были! — Он негодовал, что семья никак не уезжает и он вынужден сидеть в подвале без кондиционера.

Внутри и правда был жарко, Вито расхаживал из стороны в сторону и обмахивался журналом.

— Они же наша семья, они тебя любят!

Супруги кричали шепотом, как умеют только итальянцы.

— Но я уже умер!

— Тогда поднимись к ним и скажи об этом! И заодно тем двоим из мафии! — Моника нервно указывала в узкое окошко, расположенное как раз на уровне лица.

Глава 3

Вито Луиджи, комиссар полиции Пьячеволе, официально мертвый уже как три дня (по крайней мере, свидетельство о смерти у него точно имелось благодаря помощи Анджело), сидел в подвале собственного дома, слушал, как над головой скрипят половицы, гудят голоса, ипил остывший кофе из термоса в ожидании, когда все уйдут.

Неделя, а может, и две.

— А я откуда знаю почему?! — зашептала возмущенно Моника, присаживаясь рядом с мужем на диван. — Им дела до нас не было! А тут вдруг явились.

Вито взмахнул журналом со страницей прогноза погоды перед лицом жены:

— А если этот чертов Этна снова пепел выбросит, аэропорты встанут и самолет не взлетит? Она здесь застрянет!

— Вито, ну какой вулкан! Он только в прошлом году пыхтел! К тому же, если даже все аэропорты Италии закроют, Сильвия пешком пойдет, лишь бы убраться отсюда подальше. А случится потом, она уедет, даже если придется грести. — Моника изобразила тонкий и в то же время деловой голос старшей дочери. — И прекращай искать проблемы на ровном месте.

— В конце концов, Белла научит ее пользоваться поездом, — согласился Вито, отхлебывая кофе.

— Да и Бруно при первой возможности тотчас улизнет к своим клиентам. У них свои дела, я уверена, они побудут пару дней и уедут, — отмахнулась Моника.

— Они вообще не должны были приезжать! — снова вспыхнул Вито, вскакивая с места, будто напиток моментально придал ему заряд бодрости.

Принялся возмущенно расхаживать из угла в угол, запуская пальцы в седую шевелюру.

— Это тебя увидели в похоронном бюро и подняли шум.

— Ты же знаешь, что это вышло случайно! После того как Анджело прислал своего коронера, я отправилась туда, чтобы заказать погребальную урну! Все было бы скромно, я уже и платье подобрала для прощания с тобой. — Моника разгладила складки на подоле того самого платья. Она и не думала поддаваться панике, да и поздно уже. — Но тут откуда ни возьмись появился этот, как его... Морелли! И я растерялась, — призналась супруга. — А потом Паола, вместо того, чтобы почтить память умершего и держать язык за зубами, назвала твое имя на весь отдел! — Моника не скрывала возмущения. — А ты говорил, что у тебя люди работают невнимательные, — противопоставляла она.

Вито устало вздохнул и поджал губы.

— Ох уж этот Доминик, ничто от его внимания не ускользнет.

— Не ворчи на парня. Он молодец, — одернула его Моника. Взгляд подернулся мечтательной дымкой, а губы изогнулись в лукавой улыбке.

— И что нам теперь делать? Как весь этот спектакль разыгрывать? Мы же не думали, что их будет столько! — Вито поднял глаза к потолку.

Подвальное помещение находилась точь-в-точь под гостиной, откуда еще доносились разговоры детей.

— Кстати, братья Скозафава приходили не только на кладбище. Но и сюда. — Самодовольство так и сияло на лице Моника.

— Как ты могла? Ты пустила их в дом?! — Вито выпучил глаза на жену.

— Белла. Зато ты бы видел, как я играла! — Моника развела руками, будто снова началось представление.

— Они же опасны! — Вито разве что не рвал на себе волосы.

— Вито, нам нужно максимально отвести подозрения. Они не смогут тебя убить, если ты уже будешь мертвым, — заверила она. — Для этого и задумывались твои похороны, —

произнесла с назидательностью, напоминая об очевидном и их плане. — К тому они опасные не более чем наша Пикси! — бросила она.

— Как она там, кстати? — встревожился Вито. — Ей уже, наверное, пора подравнять шерсть. Кто же будет это делать?

— Белла с радостью поможет. Кажется, в прошлом месяце она окончила курсы парикмахеров.

— Нет-нет, ты же знаешь, я никому это не доверяю. — Вито отчаянно замотал головой.

— Ты не можешь выйти! Не можешь покинуть подвал, когда тебе вздумается! — чуть не взвизгнула Моника, вскакивая на ноги и поджимая тонкие губы.

Под ее строгим взглядом Вито сдался:

— Долго мне еще здесь сидеть?

— Потерпи.

Вито сник.

— А Галли? Что он там делал? Откуда взялся?

Вито не мог не узнать голос Галли — противный скрипучий тенор мог принадлежать только ему. Старый пройдоха.

Моника пожала плечами и развела руки в сторону:

— Был с какой-то женщиной, представил дочь. Тебе известно что-то об этом? — Ее лицо выглядело вытянутым от недоумения. Вито мотнул головой. — Он, оказывается, болеет.

— Не удивительно, — хмыкнул Вито, присаживаясь на стул.

Его раздражал кашель бывшего шефа. Он курил в кабинете, и когда Вито заступил на должность после него и занял его стол, ему пришлось отмывать всю мебель, а стены перекрашивать!

Моника снова улыбнулась и затараторила шепотом, пересказывая мужу всю сцену, которая разыгралась полчасом ранее в гостиной перед братьями из мафии.

Вито посмотрел в небольшое квадратное окно, находящееся под потолком. Фургон до сих пор стоял.

— Ты точно хорошо сыграла? — засомневался Вито. — Дети-то решили остаться.

— Именно потому, что поверили! — восторженно улыбнулась Моника. — Пережди, уверена, завтра они уже уедут.

Моника пригубила кофе из стакана Вито.

— Там что-нибудь из еды осталось? — с мольбой спросил он. — Все-таки похороны были.

— Печенье. Я тебе позже принесу, когда все уснут.

Уходя, Моника уже не видела кислой мины супруга.

Со скорбным выражением лица, что ему снова придется довольствоваться сухим пайком, а не любимыми равиоли с рикоттой и шпинатом, Вито откусил кусок припасенного печенья. Деваться было некуда, только грызть и куковать в подвале.

На следующий день, когда солнце только окрасило золотом кипарисы на газоне Жерардо Росси, комиссар полиции выбрался из своего вынужденного заточения и, наслаждаясь, наконец, свободой завтракал в тишине. В легкой хлопковой майке и пижамных штанах, помятых ото сна на старом диване, и которые он даже не удосужился сменить.

— Ты что здесь делаешь? — зашипела Моника.

Она так быстро влетела в кухню, что халат еще продолжал лететь за ней некоторое время.

— Я устал там сидеть, у меня все затекло.

Вито поворочал головой, разминая шейные суставы.

— Тебя сейчас увидят.

— Любимая, дети спят. Раньше одиннадцати они не встанут. Я душ хотел принять, — оправдывался Вито.

— Да ты весь план нам испортишь! Дождись хотя бы, пока эти... эти мафиози уедут.

Моника затрясла рукой в сторону фургона напротив дома. Оглядела улицу за окном и задернула плотнее занавески.

— А мыться... Вот, мне как-то дочка Жерардо оставляла на всякий случай. — Моника достала из ящика связку ключей. — Она уже, наверное, и забыла про них. Жерардо должен был вчера уехать, вечером сходишь к нему, воспользуешься его душем.

— Вечером?!

Вито так и не донес до рта панини с тех пор, как Моника влетела в кухню принялась его отчитывать. Поняв, что еще минута, и она отправит его обратно в подвал, скорее отправил в рот кусок и запил кофе.

— Между прочим, я вчера слышал, как ты сказала детям о моем сердечном приступе, что я испугался, — сказал он с набитым ртом. — Ты выставила меня слабым. И трусом.

— А ты не трус?

— Нет!

Моника многозначительно посмотрела на венок под фотографией Вито с черной ленточкой.

— Вито, там Патриция идет, — ахнула она.

— Да что ж ей не спится! — едва не проливая на себя кофе, возмутился он. Отставил чашку.

— Вдовы рано встают.

— Определенно, — заметил Вито, косясь на супругу. — Не пускай ее.

— Как я ее не пущу?

— Придумай что-нибудь, ты у нас в этом деле мастер.

Вито явно намекал на план, который она придумала, чтобы Вито избежал расправы от братьев Скозафава.

Моника вернулась только через десять минут. Патриция никак не хотела уходить, все пыталась успокоить соседку.

— Держи. — Моника поставила перед Вито контейнер с печеньем. Тот моментально скис лицом.

На миг она прислушалась, Вито тоже замер. Наверху можно было различить шаги.

— Иди скорее в подвал! — Моника всучила ему ключи и коробку.

И как только Вито поднялся, она скорее заняла его место, расправила складки на халате, поправила волосы. Вдох и медленный выдох, как ее учили в театральном, она приняла безмятежное выражение лица, включаясь в актерскую игру.

— Мам, ты чего так рано встала? — Белла обняла ее со спины и прижалась губами к мягкой щеке.

— Не спится...

В кухню вошла и Сильвия. Впереди себя она подталкивала Розалитту и Джованни, чьи взгляды уже с утра были прикованы к экранам планшетов.

— Полночи не спала. — Сильвия села напротив, потирая виски. — Все прокручивала презентацию, а потом и вовсе мерещилось, что в доме кто-то ходит. — Она зевнула.

«Что ему там не спалось!» — Моника медленно поднялась, мысленно ругаясь на Вито.

— Сиди, я сейчас быстро приготовлю завтрак.

Она выставила на стол муку, яйцо, молоко и принялась замешивать тесто для хрустящих вафель.

— А Бруно не нужно вернуться к работе? — ненавязчиво поинтересовалась Моника тонким голосом. Сверху доносился бас: тесть с утра пораньше вел переговоры.

— Мы его не отпустим, — засмеялась Белла. — Нужно разобрать папины вещи, отвезти в церковь то, что может подойти нуждающимся. Бруно нам поможет.

В этот момент мужчина быстрым шагом спустился с лестницы и вышел во двор, продолжая говорить по телефону.

— Это совсем необязательно! — рассмеялась Моника, махнув лопаточкой. — Вы можете возвращаться.

— У моих племяшек ведь сейчас каникулы?

На миг Сильвия задумалась.

— Возможно, ты и права. До возвращения в школу два месяца, отдых пойдет на пользу... — задумчиво протянула она.

— Нет! — воскликнула Моника оборачиваясь. Она выглядела бледной и пораженной, а глаза походили на два мячика для пинг-понга.

Сильвия неловко пожала плечами.

— В этом году нам все равно не светит отпуск. Сделаю Бруно кофе.

Девушка подошла к кофемашине. Заметив, что та уже включена, слегка нахмурилась, но не придала значения.

— А почему вам не светит отпуск? — Белла села с ногами на стул, заняв место Моника. Подвинула к себе тарелку недоеденным панини. Сильвия молчала.

— Потому что мама с папой поругались. И хотят развестись, — подал голос Джованни.

— Что?! — одновременно воскликнули Моника с Беллой.

Одна едва не подавилась панини, у другой воздух в горле застрял.

— Мы все знаем, — поддакнула Розалитта, скосив на мать взгляд.

— Мы же не маленькие уже, — вторил сестре Джованни.

В двенадцать лет они и правда уже много понимали, и скрыть семейный конфликт от детей шансов не было.

— Ты ничего не говорила. — Моника опустила на край стула, ноги не держали.

— А что говорить? — сдалась Сильвия. — Бруно, наконец, предложили должность в Риме, о которой он столько лет мечтал. А мне — во Флоренции, руководителем филиала.

— И теперь никто из вас не может уступить? — спросила Белла.

Растерявшись, Моника слегка поюлила, примеряясь к словам, верно ли будет понята, ведь прозвучит это совсем не по-матерински. Но ситуация вынуждала.

— Ну так... может... вам вернуться? — пожала плечами.

Впрочем, Сильвия ее не слушала. Ее глаза наполнялись слезами. Она шмыгнула носом.

Раздосадованная Моника потянулась к кружке с кофе, чтобы чем-то занять руки, но младшая дочь перехватила ее.

— Мама! С каких пор ты пьешь американо?

Словно не веря своим глазам, Белла поднесла к губам кружку и отпила. Замерла, поняв, что держит папину кружку.

«Ну Вито! Если план провалится, придется тебя еще раз хоронить. Только на этот раз уже по-настоящему!»

Будто ничего не произошло, Моника поднялась и вернулась к приготовлению вафель. Она не видела, каким многозначительным взглядом уставилась младшая дочь на старшую и как они активно жестикулировали за ее спиной, что им во что бы то ни стало нужно остаться в Пьячеволе, ведь мама в них определенно нуждается.

Розалитта и Джованни молча наблюдали за происходящим. На минуту в дверях кухни появился Бруно. Неловко переминаясь, чтобы завести разговор об отъезде, он тотчас считал в жестах, что его ждет, если он откроет рот, и решил ретироваться.

Раньше-то ему хоть с Вито можно было поговорить, теперь же оказался в логове женщин, и это явно грозило ему опасностью.

Из фургончика-кемпера как раз вышли братья Фабио и Марио и разминали затекшие ноги и руки ото сна.

— Да как ты не можешь понять?! — не сдержалась Сильвия. — Это у тебя ветер в голове, не можешь найти нормальную работу и вообще тебе все равно, где торчать! Неделю назад ты была официанткой, вчера парикмахером, сегодня кем? Ты за всю жизнь ничего полезного не сделала. — Она явно устала от спора с сестрой, и ей хотелось побольнее ее задеть.

Белла засопела от злости. Слова сестры не были ложью. Лишь отчасти приукрашены в порыве.

— А ты только и делаешь, что пытаешься усидеть на двух стульях! И на работе удержаться и выглядеть примерной мамочкой! Посмотри на моих племянников! Они же из планшетов не вылезают!

Все взгляды сошлись на Розалитте и Джованни. Белла встала и с любовью потрепала их по волосам. Вытащила из их рук устройства.

— Завтракайте и будете мне помогать! — заговорщически произнесла она.

Сильвия медленно покраснела. Ее лицо было похоже на раскаленный чайник.

— Бруно! — гаркнула она.

Услышав свое имя, мужчина страдальчески закатил глаза. Скрыться не удалось. Мгновение спустя он появился в кухне.

— Да, дорогая, — выдавил улыбку.

— Пей свой кофе!

— У меня сейчас совещание по видеосвязи! — выпалил он.

— У меня тоже! — Сильвия ту же затянула пояс халата, словно это было ее оружием против мужа.

Они столкнулись в дверях, как два грозных корабля в узком проливе.

— Кажется, ты сама только что подумывала о том, чтобы задержаться на время каникул, — еле слышно пропела Белла, напоминая о словах сестры. Бруно подавился воздухом. Он совершенно точно не рассчитывал на это.

— Ни в коем случае! — отрезала Моника, расставляя тарелки с завтраком на стол.

— Мама?!

— У меня дел невпроворот! Мне двор нужно в порядок привести! У меня вон... гиацинты до сих пор вянут непристроенные, — засуетилась Моника. — С меня потом Микелла три шкуры спустит, если увидит. И с вас, между прочим, тоже!

Ее морщинистый палец менял направление с одной дочери на другую.

Однако их это мало волновало. Любые попытки Моника выставить их за дверь отскакивали от них как горох.

— Что ж... не уезжаете вы, уеду я!

Моника взмахнула кухонным полотенцем и направилась к лестнице.

— Куда это?

— За продуктами! Вас же нужно чем-то кормить, — бросила не оглядываясь.

Проходя между лавок воскресной ярмарки Пьячеволе, Моника никак не могла успокоиться предприимчивости дочерей. А развод? Она ведь и не догадывалась об этом, хотя по рассказам дочери и можно было предположить. Сильвия уже давно не упоминала Бруно в их редких разговорах, больше трещала о работе и детях.

Моника не замечала, что за ней следят, пока преследовали не возникли прямо перед ней. Она буквально не врезалась в два огромных шкафа носом. Попыталась возмутиться и отойти, но когда подняла глаза, замолчала и застыла.

— Позвольте, синьора Моника? — Фабио Скозафава протянул руку к сумке-тележке, которую она за собой катила.

— Да-да, пожалуйста. — Она пришла в себя.

— Что еще вам нужно купить? — поинтересовался Марио.

— Муку. Я ее всегда оставляю на потом, чтобы не носить тяжелое.

Моника с тревогой огляделась в поисках нужной лавки, но та никак не обнаруживалась.

— Что будете готовить?

Марио явно и сам был не против поесть, да и готовить любил.

— Равиоли. Вито давно их не ел. — Поняв, что ляпнула, Моника тотчас прикусила язык.

Исправилась: — То есть он их обычно любил, а я готовила, когда семья собиралась.

— Наша семья тоже любит, когда готовлю я.

— У вас есть дети? — осведомилась Моника, наконец сориентировавшись, куда нужно идти, и указала пальцем в нужном направлении.

— Нет. Он про нашу... семью.

— Ох! — театрально воскликнула женщина.

Теперь Моника догадалась, о какой семье он говорил. Мафиозной.

— Идемте, синьора Моника, — небрежно бросил Фабио, видимо, решив себя не утруждать вежливым обращением по фамилии. А Моника и не стала поправлять его, все-таки мафия.

Проходя между торговых рядов, словно в сопровождении двух телохранителей, Монике подумалось, почему ей не доверяли роли даже второго плана, и с легкостью отпустили из театра, даже не пытались уговорить остаться. Однако сейчас ей досталась роль самого режиссера.

— А вам никуда не нужно? — поинтересовалась она, стараясь не показаться навязчивой.

— Побудем здесь.

— Дело есть незаконченное, — добавил второй брат.

В горле у Моника пересохло. Она покосилась в сторону переулка, через который могла бы сбежать. Но куда ей. Эти шкафы, конечно, здоровые, но бегают они быстро. Монике не скрыться. А если не скрыться, значит, надо смириться.

— Долго?

— Сколько потребуется. А есть какие-то проблемы?

— Да вот у меня дочери тоже остаются. Не пойму, то хотят, то нет. Ругаются. Сегодня утром уже поссорились. Вот зачем мне надо эти лишние переживания? Я и так таблетки сердечные пью.

— После смерти Вито и правда не надо, — согласился Фабио, подхватывая мешок муки.

— В аптеку вам не нужно?

Моника мотнула головой.

— Нет, но раз вы мне так удачно подвернулись, то давайте еще возьмем упаковку консервированных томатов. Вы же сможете донести? — Она с сомнением посмотрела на фигуру Фабио. — Сильвия и Бруно еще и разводиться вздумали!.. — Моника дирижировала мафиози, как ее душе было угодно. Как она всегда требовала.

Братья Скозафава совсем не выглядели опасными, еще и помогали. Моника вспомнила, что в церкви на поминальной службе они держали свечи.

То ли от волнения, то ли от жары, которая в полдень становилась пиковой, ей захотелось пить. Если они узнают, что Вито жив, ему точно несдобровать. Братья расправятся с ним на раз два. А заодно и с Моникой, как с главным руководителем этой постановки.

— Вот, если что обращайтесь. — Марио и Фабио занесли покупки в дом, поставили сумки с продуктами в кухне.

— Спасибо-спасибо. Прилягу, отдохну. — Монике пришлось строить из себя немощную. — Вы тоже идите отдохните.

Хотя мафиози совсем и не устали с виду.

Быстро оглядевшись, что поблизости никого нет, Моника спустилась в подвал к Вито.

Внизу горела настольная лампа и тихо гудел старый маленький холодильник.

— Зачем ты их опять в дом пустила? — возмутился Вито.

Он стоял у окна и подглядывал в узкую щель за братьями Скозафава. Один исчез в фургоне. С такого расстояния Вито было трудно разглядеть, кто именно. Он шурился, напрягая свои уже познавшие глаукому глаза: второй брат вышагивал по тротуару перед фургоном и с кем-то разговаривал по телефону. Он больше слушал и кивал в ответ, хотя абонент на том конце и не мог его видеть.

— Я думаю, они следили за мной, — со всей серьезностью заявила Моника, подставив палец к губам, как обычно делала в моменты глубокой задумчивости. — Но я кое-что узнала. У них здесь есть еще какое-то незаконченное дело.

— Проклятье! Я так и знал. О, Санта-Лючия помоги нам! Теперь они охотятся за тобой. — Вито обхватил супругу за плечи, и взволнованно посмотрел в ее лицо: — Они решили покончить с нами раз и навсегда.

— Они ничего не сделают, пока тут дети.

— Тогда нужно их задержать. Перекантуюсь как-нибудь на диване.

— Не думаю, что дело в этом. — Моника сняла его руки с себя. — Они ждут чего-то еще. Кстати, они были очень милы.

Вито вдруг изменился в лице.

— А что значит развод? Почему вдруг Сильвия решила разводиться? Почему они меня не спросили?

— Вито, она звонит нам раз в неделю. Она взрослая уже. Думаешь, еще и разрешения будет спрашивать?

Моника выглядела спокойной, она давно догадывалась, но Вито не говорила. А вот о если Вито еще узнает и про секрет Беллы, который она умышленно скрывала от него... Но Моника только изучала потолок и перекаtywалась с пятки на носок.

— Моника, ты должна остановить детей. Я слышал, как они собирались разбирать мои вещи, — громко зашептал Вито, будто сейчас взорвется бомба и нужно срочно бежать из дома. — Нельзя этого допустить!

— Ты прав, мы потом не сможем тебе найти такой же пиджак, как покупали на Сицилии. И обувь у тебя удобная, а то ты вечно жалуешься...

— Моника! — перебил ее Вито. — Там улики!

Супруга театрально ахнула, прикрыв рот ладонью.

— По тому самому делу? — Ее взгляд заскользил через окно к фургону.

— Я их храню не для того, чтобы в них копались. Мафия пришла, чтобы забрать их... точно... — быстро соображал Вито.

— Ты в них не заглядывал двадцать пять лет.

— Неважно.

— Вито — это естественно, что дети хотят помочь разобрать твои вещи и вспомнить тебя.

— Мое тело еще не остыло, а они лезут перебирать мой шкаф! — проворчал Вито.

— Типун тебе на язык, — невзначай отмахнулась Моника.

Если Вито еще мог ей простить незапланированное заточение в подвале, то улики по старому делу — никогда.

Поняв, что положение нужно спасти, Моника кивнула и резко развернулась. Застучала каблуками сперва по одной лестнице, затем по другой и распахнула дверь в их с Вито спальню, из которой доносились голоса.

Глава 4

На кровати обнаружили Розалитта с Джованни. Сильвия и Белла уже тянули свои руки к вешалкам в шкафу.

— Ни с места! От шкафа отошли! Я не позволю трогать вещи вашего папы. — Ее кулаки сжались.

Воспользовавшись тем, что шокированные дочери отступили, Моника встала между ними и шкафов, преграждая путь. И словно говоря: только через мой труп.

Не найдя поддержки в глазах Сильвии, Белла тихо заговорила:

— Мам, мы можем сделать это в другой раз, но через это все равно нужно пройти.

Моника заметила в руках Розалитты и Джованни, расположившихся на кровати, семейный фотоальбом.

— Это смотреть можно, трогать вещи нельзя. — Ее взгляд потеплел, голос смягчился: — После сорока дней, иначе... дух вернется.

Пока дочери отвлеклись и зашептались (Моника отчетливо улавливала в их словах фразы вроде «когда она стала такой религиозной» и «с чего она вдруг начала верить в духов»), она отвернулась и настрочила сообщение Вито: «Где они?»

«В желтой обувной коробке» — пришел ответ.

Взгляд быстро нашел ее в шкафу, даже искать не пришлось.

«Мог бы и получше спрятать» — набили пальцы.

«Не в этой, тут я храню свои любимые ботинки для осенних прогулок. Та коробка за фальшстенной».

— Так бы сразу и сказал, — пробубнила Моника под нос. — Так, давайте все на выход, — подмахнула она дочерей и внуков, словно гусей. — У тебя нет никого важного совещания? — посмотрела на Сильвию.

Та спохватилась и начала проверять планер.

Когда дверь за домочадцами закрылась, Моника углубилась в шкаф, отодвинула заднюю створку и извлекла коробку, в которой хранились важные улики.

— Бабушка, там кто-то пришел. — В дверном проеме показалась голова Розалитты. Но не обнаружив ба на месте, она заглянула в шкаф. — А что ты там делаешь? — с любопытством вытянула шею девочка.

— Да так, ерунда. — Моника стряхнула пыль и паутину с коробки. — Пойдем посмотрим, кто там пришел.

— Дядя в форме.

— В форме? — Женщина поспешила вниз. Она никого не ждала.

На пороге оказался почтальон курьерской службы.

— Распишитесь, синьора. — Он протянул ручку и бланк.

Моника засуетилась, пытаясь удержать коробку под мышкой, но ничего не вышло. Отставив ее на верхнюю полку, она, наконец, поставила свою подпись.

— Мне велено тотчас отправить конверт обратно.

На конверте стояло имя тестя.

— Бруно! Тут к тебе! Проходите, — сказала почтальону. Они прошли в гостиную.

Мужчина сбежал с лестницы и быстро перехватил конверт из ее рук. Извлек документы и принялся подписывать в отмеченных местах, продолжая при этом говорить по телефону через беспроводные наушники. В этот момент в комнате появилась Сильвия. Смерив мужа недовольным взглядом, она фыркнула и деловой походкой проследовала в кухню.

— Мам, ты почему продукты не разобрала? Испортятся ведь.

Женщины собрались в кухне и принялись за готовку.

Через час на плите уже шипела и булькала глубокая сковорода, наполняя кухню ароматом жареного мяса и пряных трав. Моника приоткрыла крышку и сунула в нее любопытный нос.

— Хватит тут томить соус так долго. Полчаса и хватит, — командовала она.

— Мама, но это же твой рецепт, — удивилась Белла. — Ты сама говорила, что настоящий болоньезе должен томиться часами, пока мясо не станет мягким, как масло.

— Я много чего говорила, — парировала Моника, дотягиваясь до бутылки с терпким кьянти. — Но жизнь, не кулинарная книга.

— Я добавляла вино, — вставила Сильвия.

— Еще немного не помешает для цвета после уварки.

Моника ловко плеснула в сковороду щедрую порцию, отчего соус потемнел и удовлетворенно зашипел.

Вскоре ужин был готов, а Моника уже и забыла, что нужно было отнести коробку с уликами в подвал Вито. Да и вообще о ней забыла, когда позвонила Микелла.

— Моника, ты посадила мои гиацинты? Вчера на поминках я не видела их в саду.

— Потому что это были поминки, а не садоводческий кружок, — огрызнулась Моника. Она поднялась и направилась во двор.

— А тебе как раз это поможет отвлечься и не горевать!

Моника только хмыкнула, проворчав что-то неразборчивое под нос.

— Я их сейчас же заберу! И даже не думай потом приходить ко мне за советом! — Кажется, Микелла тоже встала и собиралась идти в дом Луиджи. По крайней мере, угроза звучала вполне реально.

— Я к тебе и не приходила, ты сама их мне принесла, решив, что мои флоксы нуждаются в компаньонах, а астры им, видите ли, не подходят. И кстати, я посадила их в другое место, — фыркнула Моника, демонстрируя свою независимость. И сбросила вызов.

С гордой осанкой она надела садовые рукавицы, будто готовилась не к садовым работам, а к борьбе на ринге, и распахнула дверь рипостилью.

— Мам, тебе помочь? — Белла с племянниками сидели на траве, образуя круг. В центре стояла Пикси.

Моника только отмахнулась.

В кармане завибрировал телефон новым сообщением:

«ГДЕ КОРОБКА?!?» — даже буквы кричали, как переживал Вито за улики.

— Черт... — Моника встала как вкопанная.

«Она в прихожей. Потом принесу, а то сейчас прибежит Микелла».

— Вот же! — Вито отбросил телефон.

Он подошел к двери и бесшумно открыл ее. Прислушался. В коридоре стояла темнота и тишина. Вито не мог оставить это так. До прихожей рукой подать. Одна нога тут, другая там и улики у него!

Вышел на цыпочках, но смог сделать только два шага. Боль в суставах подвела. Шаг, другой. Сердце заколотилось как сумасшедшее, будто он снова оказался на специальном задании, как в молодости, и крался из укрытия, чтобы обнаружить преступника.

Выждав минуту, Вито сделал еще шаг, когда вдруг на лестнице послышались шаги. Он пригнулся и нырнул за диван.

Сильвия прошла мимо гостиной в ванную.

Спину Вито пронзила острая боль.

«Да что б тебя, старческий остеохондроз!» — Он встал на четвереньки, как учил врач, чтобы расслабить мышцы.

В ванной включилась вода, судя по всему, Сильвия собиралась принять душ, и это было шансом для Вито: забрать улики и снова скрыться в подвале. Он прополз на четвереньках в прихожую. Огляделся и увидел коробку.

Только он схватился за нее, как на дорожке, ведущей к дому, послышались шаги, и в маленькое окошко Вито увидел Доминика.

— Санта Лючия, не дом, а проходной двор! Даже после смерти покоя нет.

Пока никто не обнаружил его живым, Вито схватил коробку и скрылся в подвале. Прижал ее к груди и тяжело задышал. Давно ему не доводилось так бегать.

В дверь раздался стук. Решив, что это пожаловала Микелла, Моника с гордым видом оглядела цветник, отбросила рукавицы и пошла открывать. Но это оказался помощник комиссара — Морелли.

— Добрый вечер, синьора, — учтиво кивнул молодой человек. В руках он держал пакет.

— О, Доминик, заходи, — расплылась в улыбке Моника.

Она впустила его в дом и, оглядев улицу, не марширует ли в ее направлении Микелла, проследовала за мужчиной в гостиную.

С легкой улыбкой он наблюдал, как на заднем дворе веселятся Белла с племянниками. Они только закончили стрижку Пикси и пытались надеть на нее костюмчик.

— Она дает выход эмоциям, чтобы справиться с утратой, — произнесла Моника.

— Вот, это я вам принес. — Доминик протянул контейнер с запеченной лазаньей.

— Ну зачем!

— Синьор Вито помог мне, когда мама заболела. Это меньшее, что я могу сделать для вас.

— Поужинай с нами!

Моника поставила на стол контейнер с едой и скрылась в кухне, откуда тотчас донесся звон тарелок и столовых приборов.

Доминик остался в гостиной один. Он переминался с ноги на ногу, не зная, куда деть руки, и оттого чувствовал себя еще более неловко. Фуражка, которую он так и не выпустил из рук, переключалась из правой руки в левую, потом обратно, потом он просто зажал ее под мышкой.

Вито в подвале смотрел в потолок, прислушиваясь и пытаясь сообразить, что происходит и что понадобилось его помощнику в доме.

Доминик, поняв, что слишком долго смотрит через стекло на задний двор, шагнул туда. Розалитта застенчиво махнула ему. Рядом с ней Джованни пытался удержать Пикси, на которую они только что напялили вязаный свитер нежно-розового цвета.

Белла сидела на шезлонге, скрестив ноги, и улыбалась. Доминик поймал себя на мысли, что давно не видел ничего более... домашнего, что ли.

— Вы ее замучили, — констатировал мужчина, разглядывая несчастную собачонку. Он не помнил ни одной фотографии Пикси в кабинете комиссара, где она была бы облачена в подобный наряд.

— Это модно! — возразила Белла. — Все собаки сейчас так ходят. Пикси просто еще не привыкла к своему новому образу.

— Я думаю, Пикси еще не готова к карьере модели. Может быть, в следующей жизни. Кстати... — Доминик заметил следы садовых работ, которыми занималась Моника, и невзначай обернулся — через стекло проглядывала гостиная и коридор, ведущий в прихожую. — Когда я подходил, мне показалось, что мелькнула чья-то тень.

Он выглядел взволнованным.

— Там моя сестра и ее муж никак не могут отложить телефоны и перестать работать.

И все бы ничего, но Доминик хорошо знал своего комиссара, его силуэт, ссутулившуюся спину и прихрамывающую походку (после сытного обеда или ужина ее можно было назвать и тяжелой), чтобы отличить его от молодых женщины или мужчины.

Белла отряхнула джинсы от травинки и шерсти и подошла ближе. Невзначай. Она хотела пройти в дом, но Доминик, стоявший рядом, так и остался недвижим, и они оказались совсем рядом.

Она, чуть растрепанная после возни с Пикси и явно смущенная тем, что они оба молчат и смотрят друг на друга дольше, чем положено, и он, все еще сжимающий фуражку в ладони.

— Ужинать! — раздался спасительный крик Моники.

Доминик встряхнул головой, прогоняя от себя разного толка мысли, и, наконец, отступил.

Прижимая к себе коробку, добытую в опасной вылазке на поверхность, Вито сел на диван и сглотнул слюну.

«Опять ужин» — он страдальчески посмотрел на контейнер с холодными запеченными овощами и пустой термос.

Наверху раздался топот, скрежет стульев и звон приборов. Через общую вентиляцию по подвалу расплывался легкий, но невероятно аппетитный аромат его болоньезе, ставшим вдруг таким невероятное любимым.

От нечего делать, Вито вздохнул и поддел пальцем крышку коробки.

Внутри лежали его личные записи по делам об убийствах, который он вел, копии актов, свидетельских показаний, заключения экспертов... Все, что ему удалось унести с собой. И улики.

Несколько убийств, совершенных неизвестным, годами висели нераскрытыми, пока однажды не подвернулся счастливый случай и братья Скозафава.

Вито извлек протокол осмотра последнего места происшествия и печально хмыкнул. Следом достал снимки с мест происшествия. Бывший комиссар полиции Галли одним своим росчерком отказался от них.

Орудием всех преступлений были садовые ножницы. Большие, длинные, имевшиеся практически в каждом доме. Поэтому и подозрение сперва пало на садовника. Но как только Галли увидел на снимках, что у последней жертвы не хватает пальца на руке, он направил все силы на поиск связей с мафией. А через неделю братьев Скозафава застали за тем, что они выбивали долги из одного должника, и Фабио в тот момент держал садовые ножницы...

На них отсутствовали следы крови предыдущих жертв, но бывший комиссар никого не слушал. Он заткнул Вито рот в буквальном смысле и велел помалкивать о своих подозрениях. Ему был нужен козел отпущения, (а в случае с братьями Скозафава — лучше два), чтобы в городе и окрестностях прекратилась паника. И чтобы получить повышение.

На счастье Вито убийств с похожими чертами больше не случалось, и спустя годы он начал сомневаться в себе. Ровно до того момента, пока не позвонил Анджело.

События двадцатипятилетней давности, когда арестовали братьев, мигом всплыли в голове. Старческий разум не подвел.

Вито держал в руках копию отчета судмедэксперта последней жертвы и как никогда был уверен, что братья Скозафава непричастны и отсидели срок за чужое преступление только по вине Вито.

Он снова пробежал глазами по строчкам, которые когда-то знал наизусть. Ширина и длина лезвий. У братьев Скозафава при задержании изъяли садовые ножницы, но совсем другие. У тех лезвия были толще, а концы тупые. Галли хотел схоронить этот отчет.

Суд отказал в повторной экспертизе ввиду того, что тело уже находилось под землей. А ведь различия были очевидны даже непрофессионалу. Ножницы братьев предназначались для обрезки веток. Ими можно перерубить кость, но практически не нанести проникающий удар. На заднем дворе Вито пробовал не раз, используя для экспериментов пластиковую канистру.

«Как я мог тогда промолчать?» — он закрыл глаза.

Жаркий спор, доносившийся сверху, заставил Вито прерваться от грустных воспоминаний.

Бруно сидел во главе столе, будто это он здесь главный добытчик и кормилец. Сильвия напротив, демонстративно заняв место подальше от мужа. Розалитта и Джованни уныло водили вилками по тарелкам, без планшетов им было скучно. Белла, усадив мать рядом с Домиником, металась между кухней и столовой, разнося тарелки с болоньезе, ловко уворачивалась от локтей. Выглядела за этим занятием она привычно, последний год она проработала официанткой. Правда, ей пришлось сменить почти семь кафе.

— Угощайтесь лазаньей, синьор Морелли сам приготовил, между прочим. — Моника обвела взглядом собравшихся.

— Сам? — Бруно поднял бровь, на миг оторвавшись от телефона. — Не знал, что полицейские умеют готовить.

— Мы много чего умеем. Например, отличать настоящие улики от подброшенных. — Доминик выдержал взгляд и, наконец, позволил себе улыбнуться Белле, поставившей перед ним бокал.

Сильвия фыркнула в тарелку.

— Мой муж не умеет готовить даже яичницу, так что не принимайте на свой счет, Доминик, — сообщила она с такой улыбкой, от которой у Бруно дернулся глаз. — Говорит, что это ниже его достоинства. И сына к этому приучает.

— Я не говорил «ниже достоинства», — процедил сквозь зубы Бруно. — Я сказал, что у меня нет на это времени. А ему, — он указал на Джованни, — что лучше бы подтянул свои оценки.

— У тебя нет времени ни на меня, ни на детей! — вспыхнула Сильвия.

— Я работаю, дорогая.

— Нам в школе говорили, что это нормально, когда родители разводятся, — прокомментировала Розалитта для гостя за столом и вытащила из-за спины планшет. Ее примеру последовал Джованни.

Сильвия наградила мужа таким многообещающим взглядом, что именно это им и светит, и ближайшие лет двадцать они не помирятся точно. А еще, что она не откажется от предложенной должности и возглавит Флорентийский филиал сети магазинов. Каждый из спор приближал ее именно к такому решению.

— Малышка, нормально это договариваться и мириться, — тоскливо произнесла Белла племяншке.

— Ешьте, все остынет. Белла, сядь уже, ты не официантка, — раздраженно сказала Моника.

Белла плюхнулась на стул напротив Доминика.

— А кто ты у нас теперь, Белла? — не без ехидства поинтересовалась Сильвия, отправляя в рот спагетти с соусом, намотанные на кончик вилки. — Грумер? Тебя же после того случая в парикмахерской не возьмут ни в один салон Италии.

— Сильвия! — ладонь Моника громко хлопнула о стол.

— Мама! — возмутилась Белла. — Ты же обещала никому не говорить.

— Ой, нетрудно было догадаться, что ты больше месяца не продержишься. Что ты там натворила с плойкой, я так и не поняла? — Сильвии словно доставляло удовольствие дразнить сестру.

— Она перегрела ее, — тихо проговорила Моника, склонившись над тарелкой.

— Мама! Я же просила! — с пылким темпераментом воскликнула Белла.

— Прости, милая, это вышло совершенно случайно, — Моника протянула руку через стол и сжала ладонь младшей дочери.

Со стороны коридора донесся звук, похожий на глухой удар. Доминик обернулся, но никого не увидел.

Опомнившись, что в доме находится Вито, которому совершенно не нужно знать о проблемах Беллы, Моника закашлялась.

— Это Пикси, наверное, ходит. И давайте свернем уже эту тему.

— Обиделась на нас за свитер и теперь будет прятаться до утра, — попыталась пошутить Белла.

— Теперь тебе мерещится то, чего нет? Вон Пикси, — Сильвия указала в дальний угол к миске. Не заметить белое пятно в гостиной было трудно. — И она сидит там уже минут пять.

С места Сильвии это и правда было хорошо видно. Бруно, подключившийся к рабочему совещанию по гарнитуре, с опаской покосился назад.

— Значит, привидение! — нервно рассмеялась Моника, впрочем, ее смех никто не поддерживал.

— А я однажды видела привидение! — вдруг воскликнула Белла.

— Санта Лючия, мы точно сестры? Найди уже свое место в жизни.

— Ты... ищешь работу? — поинтересовался Доминик, стараясь звучать так, чтобы его вопрос не вызвал новых жарких споров.

— Она в активном поиске себя, — ответила за сестру Сильвия с легкой ухмылкой. — Она пробует разное. В прошлом году она была бариста, в этом году официанткой, недавно окончила курсы парикмахера и сожгла плойку, а теперь подалась в гримеры. Не пропадать же навыкам. Мама, ты ведь ей для этого деньги переводила?

Насупленный взгляд Беллы метнулся на мать, та поджала губы в тонкую линию.

— Чтобы выплатить компенсацию клиентке, — Белла отодвинула тарелку, есть в такой компании резкой перехотелось. — Потому что я сожгла ей челку щипцами. И оставила небольшой ожог на коже. А в прошлом месяце я прошла курсы маникюра.

— Ты главное инструменты не забывай стерилизовать, а то попадешь еще под статью. — Сильвия придирчивым взглядом осмотрела свои ногти, и перевела взгляд на Доминика. Уж он как полицейский должен знать последствия. Но она не нашла в его глазах понимания.

Доминик с сочувствием смотрел на Беллу.

Издевка сестры не возымела на нее действие. Белла набрала полную грудь воздуха и выпалила как на духу перед судом присяжных:

— На самом деле компенсация была незначительная. Я попросила такую большую сумму, потому что мне негде жить. — От признания Беллы за столом воцарилась тишина, даже Моника не знала, о чем говорит дочь. — В кафе, где я работала еще зимой, случилось возгорание. Часть помещения сгорела. Хозяин обвинил в случившемся меня, и теперь я должна выплатить ему за ремонт. А так как он обещал подать на меня в суд, то я просрочила арендную плату... И, — Белла глубоко вздохнула и, наконец, посмотрела в глаза матери, — в общем, я жила почти два месяца у подруги, а теперь я здесь.

Обе брови Бруно оказались на середине лба. Кажется, его впервые не интересовало, что говорят клиенты по телефону, так поразила его история Беллы.

На лице Сильвии застыла пораженная маска, а племянники даже отложили планшеты в сторону. Розалитта шмыгнула носом.

— То есть, по твоей вине случился пожар?.. — начала было Сильвия, которая никак не могла успокоиться. Чувство превосходства над собственной сестрой, казалось, доставляло ей особое удовольствие. — Хорошо, что папа умер и не слышит этого. Он бы не выдержал этого.

Моника вдруг громко закашлялась.

В другой раз Белла умоляла бы не говорить папе, но что уж теперь.

— Это опыт, — заметил Доминик, перебивая молодую женщину.

— Опыт того, как не надо делать, — фыркнула Сильвия.

— Что ж... — отрезала Моника, прекращая спор. — Оставайся, сколько тебе нужно. Мы разберемся со всем.

Она продолжила молча есть, а Белла кивнула и вышла из-за стола.

— Спасибо за ужин. Смотри не подавись своим ядом, — бросила она напоследок сестре. Направилась к лестнице.

— Белла, милая, может, тебе стоит заняться чем-то, где нельзя ничего сломать, поджечь или испортить? — вдогонку крикнула Сильвия с легкой издевкой.

Но сестра уже скрылась на втором этаже. Вскоре громко хлопнула дверь.

— Или можно просто выйти замуж за богатого, — подал голос Бруно.

Все посмотрели на него. Поняв, что ляпнул что-то не то, он уткнулся в телефон с удвоенным усердием.

— За богатого? — медленно повторила Сильвия. — Ты серьезно?

— Я просто предложил вариант! — Бруно поднял руки в защитном жесте. — Так часто делают.

— И, между прочим, я вышла за тебя не из-за денег, — отрезала Сильвия.

— А из-за чего?

Она прищурилась, испепеляя мужа многообещающим взглядом, что как только они окажутся наедине, то обязательно вернуться к этому разговору.

Розалитта и Джованни переглянулись и синхронно закатили глаза, выбежали из-за стола.

— Давай найдем Пикси, — предложил Джованни.

Доминик, вежливо попрощавшись, оставил свою визитку с номером и наставлением звонить в любом случае, если что-нибудь понадобится, и ушел.

Моника осталась в гостиной одна. Ее взгляд пронзал стол, пол и, казалось, встречался с Вито.

Она угадала, муж был совершенно поражен историей Беллы.

Из мысленного диалога с мужем, который она уже начала репетировать, ее вырвал удар кнокера.

— А, это ты.

За дверью оказалась Патриция. В другой раз Моника пригласила бы соседку зайти, но болтать настроения совершенно не было.

— Держи, я печенье напекла.

— Спасибо, — скучаяще приняла корзинку Моника. Будто она уже устала.

— Пора бы уже вернуть мою тележку. Я видела, как ты сегодня сажала там гиацинты Микеллы.

— Мы ее еще не нашли. Не разбирали рипостилью. Приходи завтра, — слегка нахмурилась Моника, соображая, откуда Патриция могла ее наблюдать. Неужели в щели в заборе подглядывала?

Моника уже собиралась закрыть дверь.

— Если не вернешь, я выставлю тебе счет!

— Ой, да найду я ее.

Бестактность Патриции уже давно перестала удивлять Моника, и она привычно перестала реагировать на нее.

Дверь перед носом Патриции закрылась. Соседка не сразу развернулась и пошла к себе. Прежде она проворчала крепкое ругательство. Смерила дверь боевым взглядом, будто собиралась ее штурмовать и, в конце концов, развернулась.

Возле забора, разделявшего их участки, замедлилась и присмотрелась. У Луиджи там находилась небольшая калитка, которой, впрочем, они никогда не пользовались. Она была предусмотрена на случай строительной техники.

Патриция подошла, оглядела конструкцию, подергала. И замыслив что-то, направилась к себе.

Глава 5

Поздно вечером Моника навестила мужа в подвале.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Моника. Вито стоял возле стены, опираясь о нее, и наблюдал за происходящим на улице перед домом.

— Все разошлись по комнатам. Только внуки еще в гостиной, — прошептала она. Подошла к Вито и проследила за его взглядом. — Ах да, еще и эти двое, которых ты боишься, никак не уедут.

— Я не боюсь их, — возразил Вито.

— Боишься, поэтому тут и сидишь. — Моника протянула ему корзинку. — Держи. Патриция напекла.

Вито только отставил печенье в сторону.

— Я этому Бруно устрою! Начищу его лощеную морду! И Сильвия у меня получит. Как только выйду, так сразу. — Кулаки Вито сжались.

— Из гроба? — поддела Моника, уголок ее губы дернулся.

— Да! Тоже мне удумали разводиться! А про Беллу, почему ты мне не говорила? — недоумевал Вито.

— Я и сама не знала всей истории. А во-вторых, это моя роль как матери, защищать детей, — со всей серьезностью произнесла она и вздернула нос.

Вито поджал губы.

— От меня?

— От всех.

— И если б я не «умер», — он изобразил пальцами кавычки, — то так и не узнал бы ничего.

Вито заложил руки за спину и недовольно зашагал из угла в угол.

— Ты вот отказалась как карьеры актрисы. Переехала сюда со мной.

Моника засмушалась и отмахнулась. К глазам подступили слезы от накотивших воспоминаний.

— Ну чего ты? Режиссерство тебе идет. — Вито приобнял жену.

— И как режиссер напоминаю твою роль: сидеть в подвале и не высовываться. Чего ты там ходил ночью?

— Ты принесла мне таблетки? — не слушал ее Вито.

Моника извлекла из кармана упаковку сердечных, назначенных ему доктором, и протянула со стаканом воды.

Желтая коробка стояла на столе, из нее выглядывали бумаги и несколько пакетов с уликами. Вито устало опустился на стул и подставил ладонь под щеку.

— Что собираешь с этим делать?

— Какое это уже имеет значение? Против них были только свидетельские показания! — Комиссар потряс распечаткой допроса. — Только они и связали их с той серией убийств. — Покачал головой Вито, будто ничего не мог с этим сделать.

Давно это было, но Моника помнила переживания мужа. Сложный выдался год и еще один после. Вито ушел с головой в работу на новой должности, а она пыталась справиться с токсикозом во время беременности Беллой. Вито был уверен в том, что настоящий убийца на свободе.

— Ты ведь искал потом его?

— Мне очень быстро подрезали крылья и пригрозили работой садоводом. Ты знаешь кто. — Вито выразительно посмотрел на супругу.

Моника тихо ахнула и приложила к губам ладонь. Часто закивала, припоминая и это. Материнство отвлекало ее тогда, но не Вито.

— И он еще приходил на твои похороны. Сюда! — возмутилась она.

— То есть братья Скозафава тебя не пугают, а бывшего комиссара ты больше на порог непустишь? — словно очнулся от воспоминаний Вито. — Вот уж кто мне точно шею свернет, так это мафия.

Он провел по шее большим пальцем, будто это нож. В шее что-то неприятно хрустнуло, и Вито скривился. Моника поднялась и встала у него за спиной, положила руки на плечи и начала массировать, подбираясь к позвонкам. Она делала это задумчиво, как будто не могла поймать мысль за хвост. На столе стояла коробка с уликами.

— А ты не думал... — протянула она. — Ладно, забудь, — махнула Моника.

Она осмотрелась, проверяя, все ли в порядке в комнате, взбила подушку, поправила легкий плед, которым накрывался муж. Ему приходилось спать на стареньком продавленном диване, и от которого у него жутко болела спина. Его ревматизм с трудом перенес эти дни, вынесет ли он еще неделю?

Вито с Моникой его поменяли, потому что когда он стоял в гостиной, то сидеть на нем можно было с трудом, и после требовалась легкая зарядка. Моника обычно бралась за йогу, а Вито цеплял поводок за ошейник Писки и прогуливался по виа Анелли до дальнего дома, замыкавшего улицу, в котором жила флористка-активистка Пьячеволе Микелла.

От долгого сидения в подвале у Вито ныли колени. Артроз. Он даже подумывал, не поставить ли ему здесь беговую дорожку, чтобы ходить. Но он быстро отбросил эту мысль, намереваясь вскоре вовсе покинуть подвал и снова устраивать прогулки с Пикси.

Вскоре Вито снова остался один. Наверху медленно стелилась ночь, и зажигались уличные фонари.

Наступила бы и тишина, если бы не выяснение отношений Сильвии и Бруно. Оно затянулось. И дети предпочли обществу родителей снова планшеты.

Переглянувшись, они включили новый раунд игры и играли так долго, что на небе уже вошла луна, когда вдруг застучали коготки болонки по полу.

— О, Пикси! — вдруг воскликнула Розалитта.

Однако собака не отреагировала, целенаправленно куда-то следуя. И только ускорила.

— Пикси, ты куда? — воскликнул Джованни, вскакивая с места.

Играть уже надоело, а глаза в полумраке болели от голубого экрана.

Собаку уже было не остановить. Не желая быть снова пойманной и затисканной, она таявкнула и побежала.

— Давай проследим за ней! — шепнула Розалитта, ее глаза загорелись азартом.

Брат с сестрой направились за Пикси, однако очень быстро уперлись в закрытую дверь, ведущую в подвал.

— Там есть лаз! — указал Джованни и наклонился.

Он просунул голову, затем в проеме исчезло и все тело.

— Давай! — махнул он сестре, придерживая лючок.

Спустя несколько секунд рядом с ним Розалитта.

В подвале слабо горел ночник, отбрасывая странные тени на стены. Послышался шорох. Побаиваясь темноты, девочка нашла ладонь брата и сжала.

— Пикси, ты где? — тихо позвал Джованни, приглядываясь к очертаниям.

Его взгляд скользил по полу в поисках собаки, пока не наткнулся на диван.

— А-А-А! — подпрыгнул мальчишка.

— А-А-А-А-А-А! — завопила Розалитта и бросилась бежать.

Джованни за ней. Детские сердца сумасшедше колотились от страха! Вспотевшие мигом пальчики скользили, замок никак не получалось повернуть. Джованни отпихнул плечом сестру и одним движением, наконец, справился с щеколдой, неожиданно для них запертой изнутри.

Крик стоял на весь дом!

— Мама!

— Папа!

Моника в кровати резко села и заморгала.

Внуки кричали с такой силой, что у Вито звон стоял в ушах. Не притворялся бы он «спящим», поморщился бы, пытаясь сбегать перепонки.

Не зная, что делать и куда бежать, ведь еще минута, и в подвале соберется вся семья, и тогда он точно не сможет притворяться, ни спящим, ни умершим, Вито побежал (насколько ему позволял его вес).

Опомнившись, что бежать ему некуда, он схватил с крючка ключи, которые ему давала Моника. Чертова отдышка и подскочившее давление решили, что с Вито хватит беготни. Однако услышав, как наверху хлопнула одна дверь спальни, затем вторая, проскользнул в гостиную и выскочил на задний двор. Спрятался за одну из амфор, так удачно повторявших его фигуру и переставленных Моникой к двери.

За стеклянными дверями в сторону подвала пронеслись Сильвия, Бруно, Моника в бигудях и халате, что-то причитая. Замыкали вереницу Белла с племянниками. Те явно не желали больше спускаться в подвал и пожелали вовсе остаться в гостиной.

Вито попятился задом к калитке в заборе от греха подальше, ворча под нос ругательства. В другой раз Вито бы обрадовался бы лунной ночи, спавшей наконец жаре и вечерней прогулке, но от волнения с него градом текли капли холодного пота, а в висках так стучало, что он ничего не слышал.

Добравшись до рипостильо, Вито на что-то наткнулся. А точнее на кого-то. Не успел он обернуться, как его снова оглушил крик. На этот раз Патриции.

— Господи помилуй... — Женщина торопливо перекрестилась, не сводя глаз с призрачной фигуры и сомневаясь в своей разумности, ведь перед ней стоял призрак! Призрак умершего комиссара! — Защити пресвятая Мадонна! — перебирала святых соседка. — Комиссар с того света!

На лицо Патриции падали спутанные волосы, а светлая сорочка делала и ее похожей на привидение!

Вито дал деру!

К калитке, через дорогу, к соседнему дому. Он бежал в майке, пижамных штанах, халате и тапочках, уже не боясь быть обнаруженным. Достав ключи, он быстро справился с замком и скрылся в доме. Прижался спиной к двери, чтобы отдышаться.

Спустя минуту он подошел к окну и подвинул пальцем занавеску.

Что происходила в доме, ему не было видно и слышно. А вот через распахнутую калитку проглядывался вид на рипостильо на своем заднем дворе и брошенную тележку.

Видимо, эта телега так не давала соседке уснуть, что она пришла в том, в чем несколько минут назад лежала в кровати.

— Да что б ее! И далась ей эта тележка! — в сердцах проронил он.

— Ты что забыл в моем доме?! — раздался за спиной суровый голос.

Вито подпрыгнул, схватился за сердце и резко повернулся.

— Жерардо! Да твою ж мать!

Он подкрался так тихо и незаметно на своем электрокресле-каталке.

— Не трогай мою мать, — проворчал скряга. — Я думал, что ты умер.

Вито не нашелся с ответом.

— Правильно, такие как ты даже сдохнуть не могут. — В полной темноте Жерардо двинулся вперед и свернул в кухню. — Не заслужили вы божьих врат, жди, когда за тобой оттуда придут, — проскрипел старик, постучав пустой бутылкой, видимо, схваченной для самообороны, по полу. — И лучше не в моем доме.

— Жерардо, ты все еще злишься за тот случай? Прекращай, ты ведь понимаешь, я выполнял свой долг. — Вито выдохнул. Бросил взгляд в окно, но картина там не изменилась.

— Правильно, о мертвых или хорошо, или никак.

Сосед насупился и замолчал, сложив руки на груди. Отвернулся, демонстрируя свое отношение к Вито.

— А ты почему здесь? Я думал, ты уехал в санаторий? — Вито шагнул к нему.

— У меня подагра обострилась. То твоя шавка бегала ко мне на газон, теперь ты... — ворчал сосед.

— Да она даже не приближается к твоему дому!

Жерардо невыносимый кошатник. Чего, конечно, не скажешь о Вито.

Хозяева домашних питомцев часто и сами ходили на кота с собакой.

Один шипел, другой защищал своего пса. Хотя, признаться, ни Вито, ни Моника ни разу не видели, чтобы Пикси бегала на соседскую лужайку. Умная собака уже издалека побаивалась невыносимого соседа. В отличие от Персика, наглого рыже-белого кота, который пока его хозяин сидел в своем кресле-каталке, бегал по всем соседями и залазил на их задние дворы и участки. С неприязнью принимался, оставлял метки и шел дальше. Только к Луиджи не ходил, видимо, Писки хорошо сдобрила астры без помощи Персика.

— Слушай... — Вито совершенно растерялся.

Их с Жерардо соседские дружеские отношения разладились еще несколько лет назад, и дело было вовсе не в питомцах, а когда Вито арестовал его сына и отказался выпускать «по дружбе», ссылаясь на то, что должны быть соблюдены все протокольные процедуры. Чувство справедливости на должности комиссара у него обострилось. Все соседи думали, что так повлияло новое положение, что Вито задрал нос, но только ему и Монике было известно, что послужило истинной причиной.

— Мне пока нельзя возвращаться. Я могу у тебя переждать?

— А у тебя-то что? Мозги все, совсем того? Тебя всей улицей хоронили.

— Кроме тебя. Я видел.

— А я никогда и не собирался на твои похороны. Это у тебя какая-то спецоперация? — прищурился Жерардо, в глазах мелькнул легкий интерес.

— Ага, — с грустью только и кивнул Вито.

На улице моргнули проблесковые маяки, и мужчины повернули головы к окну. Вито неловко присел на край стола, опасаясь, что сосед в любой момент раскроет его положение.

Полицейская машина остановилась возле дома комиссара, и вышел Доминик Морелли.

— А его-то они зачем позвали? — уже было поднялся Вито.

— Сиди, — проворчал старик.

Доминик приближался к дому, инстинктивно оглядывая обстановку снаружи и примечая детали. Открытую калитку он заметил еще с улицы. Он постучал в дверь и снял фуражку.

— Наконец-то, — обрадовалась Белла.

Полицейский кивнул и прошел мимо нее в гостиную, где в полном сборе вновь было все семейство Луиджи. Ну почти все.

Дети сидели на диване и смотрели в пол, как нашкодившие и провинившиеся. Бруно с Сильвией снова выясняли отношения. Моника от волнения мерила шагами комнату.

— Это какая-то ерунда, — поспешила оправдаться она, оказавшаяся рядом с Морелли. Из ее бокала пахло лекарством.

— Ну а вы что скажете? — Морелли присел напротив детей.

Они воззрились на него как на новую надежду, и их глаза вновь загорелись, что, возможно, хоть он им поверит, если другие взрослые нет.

Насупленный Джованни толкнул вбок сестру. «Все равно не поверит», — говорил его взгляд.

— И все же? — понял их Доминик.

— Мы видели дедушку, — начал тихо Джованни. — Там, — указал он.

— В подвале, он спал, — подхватила Розалитта, подаваясь вперед.

— Он лежал там мертвый! — зашептал мальчик, будто открывая страшную тайну.

Он встал, словно чтобы казаться важнее и серьезнее сестры и надеясь, что уж тогда-то полицейский точно ему поверит.

Доминик поднялся, встречая настороженный взгляд Моники и притихших Сильвии и Бруно. Они смотрели с сомнением, причем сомнению подвергались не слова детей, а разумность самого Доминика, неужели он поверит детским небылицам.

Он проследовал к двери и включил свет. Петли заскрипели, когда он открыл дверь. За спиной полицейского вмиг появилась Моника и дети.

— Кто-то спускался туда, пока меня не было?

— Да, но там никого нет! — оправдалась Моника.

— Собаку, как я понимаю, нашли в подвале? — Доминик бросил короткий взгляд на Беллу. В стороне от всех она гладила и успокаивала Пикси.

— Пряталась там. Она... любила сидеть рядом с Вито, пока он мастерил там свои миниатюрные модели автомобилей.

— Хорошо, подождите здесь.

Доминик спустился. Ничто не вызывало вопросов, обычный подвал, используемый как кладовка и одновременно комната отдыха. Типичная мужская комната, каких миллионы. Доминик огляделся: Постельное белье на диване, одежда Вито, корзинка с печеньем на столе, немного душный воздух. Он уже хотел потянуться к желтой коробке, как спустилась Моника.

— О, я иногда провожу тут время. Вспоминаю... Вито... — Она театрально шмыгнула и стерла слезу с уголка глаза.

— Позволите осмотреть задний двор?

— Конечно!

Когда Доминик вышел, Моника в который раз осмотрела комнату, гадая, куда же мог деться Вито. Незнание волновала ее, заставляя сердце биться чаще, ведь он мог побежать именно на задний двор, это самый короткий путь из дома.

— К вам кто-то залез?

Доминик осветил фонариком брошенную на земле тележку, опрокинутую вазу и распакнутую калитку.

Вся семья высыпала за ним во двор.

Сдерживая при себе ругательства, Моника сжала кулаки. Повернулась к детям и улыбнулась.

— Ах, это вы, наверное, Патрицию видели! Она могла искать свою тележку. — Моника часто закивала, пытаясь убедить в своих словах окружающих.

Но внуки стояли насупленные. Их не проведешь.

— Хотите молока? — она подтолкнула их к дому.

Бруно с Сильвией последовали за ними.

— Я же говорил, привидений не существует. Поменьше играйте в свои игры, и не будет всякое мерещиться, — назидательно произнес Бруно, однако с опаской осмотрелся, будто ожидая, что сейчас явится признак тестя.

— Я позвоню их психологу. Возможно, нам стоит вернуться, пока это не заимело последствий. — Одной рукой Сильвия набирала сообщение доктору, а второй гладила Розалитту по волосам.

— Да? И куда мы вернемся? В Милан, Рим или, может, уже сразу во Флоренцию? Мы так и недоговорили...

Бруно поймал гневный взгляд Моники.

Забывая о ночном происшествии, пара направилась в спальню.

Вскоре все разошлись, Доминик с очередным пожеланием хорошей ночи и робкой улыбкой для Беллы уехал. И только Моника в ту ночь так и не легла.

Она ждала Вито в подвале и когда он, наконец, спустился, устроила ему допрос с пристрастием:

— Ты совсем ополоумел на старость?

Глаза Моники метали молнии. Вито обернулся на дверь, подумывая, не сбежать ли ему снова. Жерардо хоть молчал.

— А что я мог сделать? Я когда услышал, что они идут, мне в голову пришло только притвориться мертвым! Я же умер в конце концов!

— Прости господи, — Моника перекрестилась, — но иногда я подумываю, что не против, чтобы это уже случилось. Такие переживания мне на старости лет! — Она демонстративно откинула назад голову и положила ладонь на сердце.

— Моника, — заволновался Вито и сбежал к ней по ступеням. Подхватил под локоть, и они вместе опустились на диван.

За суматохой они не заметили, как за ними наблюдали.

— Я же говорил, что это был дедушка! — зашептал Джованни, сверкая белозубой улыбкой. Но тотчас дети были обнаружены.

Немые маски застыли на лицах Моники и Вито, они только хлопали ресницами и открывали рты, как рыбы.

— Дедушка, так ты и правда жив? — Розалитта подскочила к нему, схватила за руку.

Дети принялись обнимать и целовать Вито. Он распахнул объятия. Отпрыски, в свою очередь, заголосили наперебой:

— Ты воскрес?

— Ты вернулся с того света?

— А мы тоже потом материализуемся в подвале?

— А в чем доме, этом или своем?

— У нас нет подвала...

Вито крепко обнял внуков. Все-таки нечасто он их видел и изрядно соскучился, хотя повод, конечно, был не самый лучший.

Джованни с Розалиттой устроились на диване и уставили на дедушку свои круглые от восхищения глаза. Моника незаметно шепнула его по плечу, за то, что не придумал ничего лучше. Вито потер уже большое место, ведь Моника не отказала себе в том, чтобы хорошенько его полупить до прихода внуков.

Моника, наконец, пришла в себя:

— А вы что же, как настоящие сыщики, следили?

— Мы ждали! Ты не прошла мимо нашей комнаты в спальню и ждали, — восхищенно выложил Джованни, гордясь собой.

— И ты так подозрительно вела себя с тем полицейским. А потом мы слышали голоса! — закончила Розалитта.

— Господи, они и правда прирожденные сыщики, — вздохнул Вито, проводя ладонью по лицу. Он ссутулился.

«И им есть в кого» — говорил вид Моники. Она, наоборот, расправила плечи.

Она подалась вперед и, таинственно понизив голос, заговорила:

— Вы умеете хранить тайны?

Внуки тотчас закивали.

— Обещаете не говорить родителям и тете Белле?

Те снова дружно кивнули.

— Ваш дедушка... он...

Она еще не придумала, что именно сказать, как ее опередил Вито:

— На спецоперации!

— Вау!

— Ух ты! — вторили внуки друг другу, восхищенно глядя на Вито.

— Мы ловим преступников? — никак не успокаивался Джованни.

Вито с Моникой переглянулись, ведь дело обстояло совершенно противоположным образом. Взгляд Вито скользнул на старую коробку.

— Есть одно незаконченное дело, — сказал он также, как ему передала Моника слова братьев из мафии. — Тогда сейчас идите спать, а завтра мы займемся этим делом вместе. И помните, родителям и Белле ни слова, — строго велел Вито.

Он улыбнулся, потрепав внуков по головам, и оставил по поцелую на щеке каждого. После признания ночь перестала казаться мрачной. С души словно тяжелый камень упал.

Утро началось с неожиданного визитера, которого привела за собой Патриция.

— Флавио? — удивилась Моника, взирая на сына другой соседки — Омбретты.

— Вам нужен оккультист, — беспрекословно заявила Патриция и, отодвинув в сторону Моника, прошла в дом. Флавио за ней. — У вас остался призрак Вито. Я вчера его видела.

Моника ахнула, падая в кресло. Но впрочем, сразу поднялась.

— А не ты ли вчера залезла в мой дом и учинила погром? — рассержено заявила Моника и сложила руки на груди.

— Прости, она мне дорога. Ей постоянно пользовался мой Лука. Это память о нем. Ты же должна понимать меня.

Патриция бегло осмотрелась, будто хотела увидеть в комнате призрака Вито. Моника сдалась.

— Ладно, проходи. А вот оккультист нам не нужен. Но Флавио, если ты хочешь, можешь остаться.

Парень неуверенно переминался, поглядывая вверх.

— А Белла уже встала?

В этот же момент Моника увидела в дверном проеме голову Вито. Тот активно мотал.

— Можешь даже не надеяться! — отрезала Моника, уже представляя возмущение Омбретты.

— Что ж, тогда я лучше пойду, — расстроено произнес он.

Она развернула его и проводила к двери. И пока Патриция хозяйничала в кухне и готовила утренний кофе, Моника, махнув на Вито, велела ему вернуться в подвал.

Он зашептал:

— Почему она пришла? — не понимал Вито, не желая уходить. Аромат кофе так и манил его.

— А меньше надо было вчера бегать в халате по улице. Иди жди теперь.

— Я, вообще-то, в собственном доме! — жестикулировал он, все же уходя.

Моника присоединилась к соседке, когда дверь в подвал со стуком закрылась.

— Может все-таки вернуть Флавио? — засомневалась Патриция.

— Не переживай, это сквозняк.

За завтраком Патриция по привычке пересказала весь свой вчерашний день и не забыла поделиться парочкой рецептов, о которых прочитала в журнале.

На улице на тротуаре показалась Микелла с охапкой горшков с рассадой. Моника при- встала.

— Это куда это она направляется?

— Так к тебе! — хохотнула Патриция. — После смерти Вито она только активнее на тебя насядет, чтобы приобщить к культу «газонов».

— Мой газон ее, видите ли, не устраивает, — начала заводиться Моника.

— Она не преминет и про мои кусты высказаться, — скрипнула Патриция. — А у меня запропались садовые перчатки, не могу найти. Хорошо, что у меня как сотрудницы аптеки скидка на медицинские полагается, хоть в них пока вожусь.

Соседка тоже поднялась и поспешила уйти.

Моника ждала Микеллу уже у двери.

— Я собрала для тебя самое лучшее, — она протянула ей рассадку. — Эти ты можешь посадить в тени, окружи их...

— Но я не просила! — Поддоны еле помещались в руках Моника, то и дело норовили упасть.

— А это чтобы тебе не было скучно, — съехидничала Микелла разворачиваясь. — У кого спросить совета, ты знаешь.

Вито не успел позавтракать наверху и тоскливо дождался Моника в подвале. Из кухни теперь доносился топот ног домочадцев.

— Я раньше и не знал, что Патриция такая болтушка, — признался Вито, когда Моника, наконец, принесла ему завтрак. Он с любопытством рассматривал черное платье, в которое облачилась супруга, и уложенные в прическу волосы.

— Ей больше не с кем поговорить, она одинока, — вздохнула жена. — И это все потому, что ты был на работе. Мы уезжаем на чтение твоего завещания, а ты присмотри за внуками, — наказала она.

Она махнула белым платочком и заправила его в рукав, будто он в любой момент мог пригодиться.

— Как завещание? — застыл Вито. Его лицо приобрело совершенно бледный вид.

— Ты же умер! Но не переживай, доверь это мне. Обмороки на сцене у меня всегда отлично получались.

Моника исчезла. Вито проводил семью тоскливым взглядом в узкое окошко. В груди заняло от мысли, что однажды это все-таки случится взаправду. Но грустить ему не дали. Стоило входной двери закрыться за взрослыми, в подвал влетели Джованни и Розалитта.

— Мы готовы к расследованию!

Глава 6

Вито снял крышку с коробки, выдвинул в центр комнаты старую пробковую доску, смахнул с нее пыль. Дети уселись поудобнее на диване, поджав под себя ноги. Вытянули шеи, когда Вито прикрепил первую портретную фотографию мужчины.

— В городе стали происходить жуткие преступления! — предостерегающе зашептал Вито. — Первая жертва, 1984 год. Вся Италия, казалось, наконец-то выдохнула после эпохи свинцовых семидесятых. Улицы больше не сотрясали взрывы, люди с надеждой смотрели в будущее... И тут ужасное сообщение потрясает тихий городок: убийство! Мужчина найден на своей вилле. Зарезанным.

Зубки детей застучали, глаза превратились в огромные шары.

— Мне продолжать?

Дети теснее подвинулись друг к другу. Часто закивали, будто их допустили к сокровенной тайне, доступной лишь взрослым, но так и не вымолвили ни слова.

— Вторая жертва, 1992 год. На этот раз женщина, но также состоятельная и те же признаки. — Вито замолчал, дети по-прежнему тихо слушали затаив дыхание. — Вас вообще чем-нибудь испугать? — Его руки повисли.

Розалитта с Джованни смутились, переглянулись.

— Вообще-то, да. Мы не хотим, чтобы наши родители развелись.

Девочка принялась наматывать на палец ленточку декоративной подушки, но так и не подняла глаз.

— Ох, милые мои.

Вито сел между ними и обнял. Детские головки склонились к его плечам. Он погладил их.

— Мне тоже тяжело и грустно от этой мысли. Но знаете, если бы не весь этот спектакль, то я бы ничего и не узнал! — возмутился он. — Они же думают только о себе!

Розалитта шмыгнула носом.

— А как ты будешь ловить преступника? Это ведь было уже так давно.

— Кто бы знал. Сомневаюсь, что это вообще возможно, — вздохнул комиссар. — Знаете, у меня есть идея получше: мы можем вместе помирить ваших родителей.

Джованни вскинул голову, девочка заморгала, стряхивая слезы с ресниц.

— Это как?

— Мы им напомним, как они были счастливы, когда только познакомились. Точнее, это сделаете вы.

Руки Вито застыли, по дорожке мелькнула чья-то тень. Но он не успел разглядеть, кто это был.

— А пока идите, откройте дверь. Мне-то нельзя высовываться, — улыбнулся он, и вытер носик внучки.

Наверху как раз в этот момент послышался удар кнокера. Он подтолкнул детей.

Топот детских ножек пронесся по потолку в сторону входной двери и на время стих, сменяясь неразборчивыми словами, а после двинулся в обратную сторону. Но в сопровождении еще пары тяжелых шагов. Вито напрягся — сердце пропустило удар, в груди похолодело. Вито медленно поднялся с дивана.

Наверху лестницы появились сначала детские виноватые лица, а за ними и неожиданный визитер.

— Комиссар?! — воззрился на него ошеломленный Доминик.

Вито показал головой на внуков.

Те зашептались:

— Я ведь говорила, не надо. — Розалитта толкнула брата вбок локтем.

— Бабушка сказала не говорить родителям и Белле. А синьор Морелли не они. К тому же, дедушке нужна помощь в расследовании, — возразил Джованни. Мальчик сбегал вниз и остановился у пробковой доски. — Вот, — указал он Доминику.

Молодой мужчина, не сводя взгляд с комиссара, которого никак не ожидал больше увидеть, медленно спустился и, наконец, повернул голову к доске.

Два портрета, бумажки для заметок с годами, на столе желтая коробка, в которой было еще несколько снимков.

— Это же... — Он взял одну фотографию, другую. — Дело братьев Скозафава. — Его вопросительный взгляд скользнул к Вито.

— Не совсем, — губы комиссара поджались.

Он шагнул к Доминику и протянул руку для рукопожатия. А после и вовсе притянул и крепко обнял помощника как сына.

— Так вышло, прости, — прошептал он. — И ты прав, это связано с братьями. Но не они виноваты в этих убийствах.

— Их виновность не доказали. Только в последнем деле. — Доминик нашел фотографию последней жертвы.

Вито провел ладонью по лицу и сел на диван. Его плечи опустились, будто вся тяжесть мира вдруг легла ему на плечи.

— Я струсил. Дважды. Я не нашел в себе сил тогда и испугался сейчас. — Вито почувствовал, как детские ладошки погладили его. — Они пришли за мной, потому что у меня не хватило силы воли тогда, двадцать пять лет назад отстоять эти улики!

Вито резко поднялся и потряс коробкой. Сам не заметил, как начал за рассказом доставать акты, протоколы, снимки с мест преступлений и прикладывать их к доске, приклеивая короткие заметки о деталях преступлений.

— Я рядовой инспектор, 1992 год, мне всего тридцать два, когда я получаю одно из этих дел. — Он указал на второй снимок. — Оно повисает как заявление в муниципалитете. Через несколько лет еще одно убийство попадает ко мне, еще одна женщина. И все повторяется, улик нет, мы не можем найти преступника. Их всех связывает только одно — характер раны и, как следствие, орудие убийства. Обе жертвы состоятельные люди. Потом еще одна жертва, уже мужчина. И тогда комиссар Галли выдвинул версию с мафией. Некоторые уже давно думали на нее, но Доминик, ты же понимаешь, что это значит? — (Мужчина кивнул). — Практически любое можно свалить на мафию, но за это придется отвечать. Семья этого не оставит.

Вито посмотрел на фургон, видневшийся в окне.

— У меня были кое-какие зацепки о серийном убийце. Ведь была еще жертва. — Пожилой комиссар остановился перед первым фото мужчины и провел линию по бумажным заметкам, на которых значились года убийств: 1984 и 1992, 1996, 2000. — Я изучал все, что касалось таких преступников, даже, прости меня Санта Лючия, поведенческие исследования ФБР! Но Доминик, в те времена! Я консультировался со специалистом, работавшим над делом «Флорентийского монстра».

— Что-то удалось узнать? — со всей серьезностью поинтересовался Морелли.

— У меня были только отпечаток ботинка сорокового размера, оставленный на влажной земле места преступления 1992 года. — Вито достал со дна коробки черно-белое фото и прикрепил к доске.

— Что в отчетах медиках? — Морелли потянулся к хрупким старым бумагам.

— В заключениях судмедэксперта, что раны были нанесены со знанием анатомии.

— Что-то еще?

Вито перевел взгляд на доску.

— И только мои предположения, которые могли бы доказать их невиновность. Я бегал и говорил всем, что мы нашли не тех, но меня никто не слушал, а... бывший комиссар Галли

настоял на том, чтобы я вовсе прикусил свой язык и молчал, иначе останусь без языка. Эти улики не были приняты к рассмотрению. Я сберег их, не мог позволить, чтобы их уничтожили. Меня терзают ужасные муки совести за это. За мое преступление! Ведь это тоже преступление, и совесть не отпустит мое сердце и будет терзать до самого гроба, пока я не слягу по настоящему!

Вито замолчал. Доминик, растерянный признанием комиссара, не находил слов. Его взгляд медленно скользил по доске, на которой теперь находилось все содержимое коробки старых нераскрытых дел. Снимки, отчеты, результаты экспертиз, заметки на желтых листах с узнаваемым почерком Вито.

Доминик еще немного помолчал.

— Вам подрубил крылья. Честно говоря, я и сам не знаю, как бы поступил на вашем месте. А этот?

Он взял со стола еще один снимок, в отличие от остальных, черно-белый.

— Я думаю, что он был первой жертвой этого убийцы.

Вито заскрипел суставами поднимаясь. Забрал из рук Доминика и прикрепил фотографию первой в череде других четырех. И добавил записку с надписью «1980».

— Каждые четыре года, — изумился Доминик, слегка склонив голову.

По его лицу можно было легко догадаться, как в его голове уже крутились шестеренки в поисках ответов и убийцы.

— Почти. Между этими восемь лет. — Комиссар указал на значительный промежуток в датах.

— Не было жертв? Или не нашли?

Вито пожал плечами.

— Я нашел только дела в нашей юрисдикции. Возможно, были еще. Возможно, убийства совершались чаще, но мы об этом не знаем.

— Все эти годы убийцу не искали?

— Доминик, мальчик мой, тогда раскрывали только по горячим следам. Если улик нет, то... — Вито развел руки и снова обратил взор к доске. — Он выбирал жертв не случайно, он искал людей, которых что-то объединяет.

— Что по орудию убийства? Садовые ножницы? — по-деловому уточнил Морелли.

— Кроме первой жертвы и последней, — Вито указал на снимки с датами 1980 и 2000.

— А если бы вы раскрыли эти дела, ваша совесть успокоилась бы?

— Хех, я бы тоже этого хотел. И возможно, это единственное, чем я могу быть сейчас полезен. Или правильнее сказать, больше мне здесь заняться нечем.

Мужчины не сразу услышали, как по потолку застучали каблучки в знакомой быстрой походке.

— Вито! Розалитта, Джованни! — крикнула Моника, уже спеша в подвал. — Почему я видела на улице машину...

Женщина застыла в дверях, уставившись на Доминика. Строгий взгляд скользнул к внукам и обратно. Он предостерегал.

— Не переживайте, синьора. Мой язык за зубами, я унесу эту тайну с собой в могилу. — Морелли вскинул руки.

Женщина покачала головой, спуская эту шалость внукам. Когда она сошла с лестницы, ее взору открылась доска.

— А тут у вас что?

— Мы расследуем убийства! — радостно крикнули внуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.